

Глава 1

Я умер вчера. Позавчера я еще был жив, был таким же, как и много лет до этого, каким был всю свою жизнь. А со вчерашнего дня я умер. И черт его знает, как теперь буду существовать. Да и буду ли?

До вчерашнего дня все было более или менее понятно, хотя и не сказать, чтоб уж очень приятно. Я был ведущим одной из телевизионных программ, работал в теплой, крепко сколоченной компании единомышленников, зарабатывал вполне приличные, если не сказать больше, деньги. Был женат на женщине, которую когда-то любил страстно, потом стал любить нежно, а потом понял, что привязан к ней настолько, что любовь-нелюбовь и страсть-не страсть уже никакого значения не имеют. Мы прожили вместе двенадцать лет, и я был искренне уверен, что проживу рядом с ней до самой кончины. У меня были друзья, были приятели, было множество легких, эмоционально не окрашенных знакомств. Одним словом, у меня было все, что в принципе нужно нормальному мужику с нормальными потребностями, включая не самый дорогой, но хороший автомобиль и удобную, достаточно просторную для двоих квартиру.

Правда, на работе было не все гладко и просто, особенно в последнее время. Нашлись люди, которым не нравилось, как мы ведем дела с нашей передачей, и они пытались на нас давить. Давление становилось все сильнее, а неделю назад произошла трагедия: наш директор программы Витя Андреев и корреспондент Оксана Бондаренко погибли. Взорвалась машина, в которой они вместе ехали.

Конечно, всех сотрудников нашей программы долго, вынимая душу, допрашивали, по сто раз задавая одни и

те же вопросы. Все мы рассказывали милиционерам одно и то же, потому что ничего больше сказать не могли. Но в то время я еще жил. Пусть переживал, страдал, но жил.

А вчера я жить перестал. Потому что произошло нечто такое, из чего я понял: жить мне осталось совсем немного, но главное — вообще неизвестно хотя бы приблизительно, сколько именно. То ли два часа, то ли пару дней, то ли месяц протяну. Все может закончиться в любой момент. И моя жена имеет к этому самое непосредственное отношение.

С момента гибели Оксаны минула неделя, за эту неделю прошли в записи все передачи, которые она успела подготовить. Другого корреспондента у нас пока нет, и с сегодняшнего дня мне придется работать в прямом эфире. Живой мертвец в живом эфире... Весело. Будем надеяться, что никто не заметит.

* * *

Настя Каменская никак не могла привыкнуть к радостному чувству, которое охватывало ее каждый раз, когда она входила в кабинет начальника. «Вот уж воистину, — думала она, усмехаясь в душе, — что имеем — не храним, а потерявши — плачем. Почти десять лет я входила сюда, видела Колобка и считала, что так и должно быть, что по-другому быть просто не может. А потом Колобок ушел, пришел новый начальник, и жизнь моя превратилась в сплошную пытку. Теперь Колобок вернулся, он снова здесь, с нами, со мной, и только сейчас я поняла, какое это счастье, когда у тебя хороший начальник».

Ей очень не хотелось заниматься убийством работников телевидения. Она хорошо понимала, что телевидение — это либо взрывоопасная информация, либо деньги, либо то и другое вместе. Более того, если речь идет об информации, то информация эта, как правило, все равно о деньгах. Чьих-то деньгах, которые кто-то присвоил, украл, перевел на счет в швейцарском банке или просто взял в виде аккуратной банальной взяточники. От самого слова «деньги» Настю мутило.

Программа «Лицо без грима» не была ни информационной, ни скандально-разоблачительной, ее корреспондент Оксана Бондаренко не выезжала в «горячие точки» и не брала «острых» интервью у только что отзаведших депутатов Госдумы, все еще разгоряченных дебатами, рассерженных и оттого плохо контролирующихся свои высказывания, из чего впоследствии так удобно бывает раздуть маленький симпатичненький скандалчик, разрушающий имидж политика и ссорящий его с окружающими. Программа вообще была очень спокойной и доброжелательной: после убийства директора программы и корреспондента Настя специально посмотрела несколько выпусков, чтобы получить представление о ней. Гости программы выглядели серьезными и достойными людьми, а ведущий не пытался «обложить» их со всех сторон каверзными вопросами, даже наоборот, словно бы старался дать приглашенному возможность показать себя с самой приятной стороны, продемонстрировать нестандартность и глубину суждений, высказать неожиданные и любопытные точки зрения. Вряд ли речь могла идти об опасной информации. Значит, деньги. А преступлений, связанных с деньгами, Настя Каменская не любила просто патологически. Даже в университете экономика была предметом, который ей не хотелось учить. Ее гораздо больше интересовали месть, ревность, зависть — одним словом, страсти человеческие, а не финансовые. Но, к сожалению, личные вкусы и пристрастия никогда не считались в уголовном розыске вескими основаниями, которые следует принимать в расчет при распределении заданий.

Ну, делать нечего, придется заниматься телевидением. По Настинной просьбе Миша Доценко притащил из дома ворох журналов «ТВ Парк», которые исправно покупала его мама. В этом журнале была целая полоса, посвященная рейтингу телепередач, и Настя надеялась выудить из этого хоть какую-то отправную точку для рассуждений. Точка эта нашлась. Оказалось, что программа «Лицо без грима» в десятку самых «смотримых» никогда не попадала.

— Интересно, откуда у них деньги? — задумчиво спросила Настя у Доценко. — Если передача не самая

популярная, стало быть, расценки на рекламу во время эфира невысокие. Да и спрос на размещение рекламы невелик. По идее, они должны были просуществовать максимум три-четыре месяца и потом закрыться, а они живут уже два с лишним года.

— Их, наверное, из бюджета подкармливают, — предположил Михаил.

— С какой стати? Я бы еще понимала, если бы они были проводниками, например, точки зрения правительства или открыто поддерживали Президента. А так... Хорошая, добротная передача, очень профессионально сделана, не вызывает у зрителя раздражения, но в ней нет, как бы это сказать... азарта, что ли. Нет той изюминки, ради которой человек бежал бы домой после работы, чтобы непременно успеть ее увидеть. Да и время у нее не самое выгодное, с семнадцати сорока до восемнадцати, работающий народ еще и домой-то не вернулся.

— Может быть, убийство совершено по сугубо личным мотивам?

— Хорошо бы, — вздохнула Настя. — Личные мотивы — это то, что я люблю. Во всяком случае, я могу их понять и в них разобраться. А с деньгами — одна скука и головная боль. Миша, давайте делиться.

— По-честному или по-братски? — засмеялся черноглазый капитан. — Если по-честному, то вам достанутся деньги, а мне — любовь, потому что вы старше и опытнее. А я маленький еще, до денег не дорос.

— Нет уж, дружок, — фыркнула Настя, — делиться будем по-джентльменски. Дама должна заниматься эмоциями, а мужчина — деньгами. Это закон социума, в котором нам с вами посчастливилось родиться. И не смейте намекать на мой преклонный возраст, я не намного старше вас. И ваше, Мишенька, упорное нежелание обращаться ко мне на «ты» никого в заблуждение ввести не может, не надейтесь.

Это было правдой, причем объяснения этому факту не мог дать никто, в том числе и сам Михаил. Настя была единственной из сотрудников отдела по тяжким насильственным преступлениям, за исключением, разумеется, начальства, к кому Доценко обращался на «вы» и по имени-отчеству, вынуждая тем самым ее саму соблю-

дать ответную вежливость. И разница в возрасте была не так уж велика, каких-нибудь шесть лет, и звание у Каменской было всего на одну ступень выше, а вот по-ди ж ты...

Ближе к концу дня на Настинном столе звякнул внутренний телефон.

— Скучаешь? — послышался в трубке насмешливый голос Игоря Лесникова, ее коллеги, который сегодня был в составе дежурной опергруппы.

— Без тебя — всегда, — быстро отозвалась Настя. — Жду, когда ты меня чем-нибудь развеселишь.

— Ладно, тогда задаю вопрос: что можно украсть у психоаналитика?

— У кого? — удивленно переспросила она.

— У психоаналитика, — терпеливо повторил Игорь.

— У какого?

— Ну какая разница... У любого. У абстрактного психоаналитика.

— Он частнопрактикующий?

— Угу.

— Тогда деньги. У них гонорары за консультации высокие. А откуда вопрос?

— С выезда. Только что вернулись. Узко мыслишь, Настасья. Ценностей не взяли. Но факт взлома и проникновения налицо.

— А что хозяин говорит?

— Ничего не говорит. Пропаж не обнаружено.

— Думаешь, врет?

— Конечно, врет. Он знает, что у него взяли, но молчит. Вот я и хочу, чтобы ты мне сказала, что бы это могло быть такое, представляющее интерес для преступника, но о чем нельзя признаваться добрым дядям из милиции.

— Я подумаю, — пообещала Настя. — А что еще интересного произошло за отчетный период в подведомственном городе?

— Все тебе расскажи, — хмыкнул Игорь. — Чашку нальешь?

— Неправильный ты, Игорек. Современный мужик обычно стакан налить просит.

— На дежурстве только кофе. Так нальешь или я в другое место просить пойду?

— Иди уж. Сейчас воду поставлю.

Попить кофею и выкурить сигарету к Насте забежали все кому не лень. Во-первых, она почти всегда была на месте, что для оперативника вообще-то ненормально. Во-вторых, у нее всегда был хороший кофе, потому что Настя, несмотря на смешную милицейскую зарплату, покупала только хорошие дорогие сорта, отказывая себе во многом другом, например, в обедах, а порой и в новых колготках. В-третьих, у нее всегда можно было стрелкнуть сигаретку, заодно пожаловавшись на жизненные неурядицы, выплеснуть раздражение по поводу «неправильного поведения» начальника и с легким сердцем бежать дальше. Настю, по характеру не особенно общительную и любящую одиночество, это порой раздражало, но она понимала, что если и менять ситуацию в корне, то результат может быть только один: у нее появится множество врагов и скрытых «доброжелателей». Нельзя отталкивать людей и тем более нельзя их обижать. Даже если очень хочется это сделать.

Игорь появился почти мгновенно, во всяком случае, по Настиным понятиям. У нее самой путь из дежурной части до кабинета занимал раза в три больше времени. Каждый раз при виде Лесникова Настя не переставала удивляться тому, что самыми «крутыми» бабниками зачастую оказываются мужчины, не обладающие выдающейся внешностью, зато такие красавцы, как Игорь, нередко становятся самыми примерными и любящими мужьями, которых совратить с пути супружеской верности просто невозможно. По Игорю втихаря вздыхали многие девушки, работающие на Петровке, но ни одна из них не могла бы похвастаться хоть малейшим знаком внимания с его стороны. Лесников был не особенно приветлив, как правило, немногословен, с очень серьезным, а порой и хмурым выражением лица, ни с кем не сблизился и дружбу не заводил. О его личной жизни коллеги знали только то, что он женат во второй раз и обожает маленькую дочку. Однако владел собой он превосходно, и если ему нужно было поддерживать беседу, то Лесников легко превращался в обаятельного

и милого человека, солгать которому ну никак язык не поворачивался. Судя по его звонку из «дежурки», кража у психоаналитика чем-то его сильно заинтересовала, в противном случае он не стал бы задавать Насте никаких вопросов. Кабинет психоаналитика — не Третьяковка и не Алмазный фонд, преступлением будут заниматься ребята с территории, ну в самом крайнем случае, если выяснится, что взяли драгметаллы, камни или антиквариат, — коллеги из отдела по борьбе с кражами, а уж никак не «убойный» отдел. Лесников, как казалось Насте, не был любопытным и любознательным, чужие тайны его интересовали мало, так что предполагать чисто дежурный интерес оснований не было. Значит, что-то в этой краже есть такое...

— Не темни, Игорек, — сказала она, налив ему полную чашку крепкого кофе. — Что тебе далась эта кража?

— Кража ничего, нормальная, — неопределенно ответил он. — Мне хозяин не понравился. Какой-то он уж больно перепуганный. А пропажу чего бы то ни было отрицает.

— Может, ты преувеличиваешь? Любой человек испугается, увидев, что его жилье вскрыто. Даже если ничего не взяли, все равно неприятно и тревожно. А вдруг завтра опять придут? И вообще, интерес к изъятию чужого имущества тебе обычно не присущ. Чего-то недоговариваешь?

— Да нет, — Игорь вяло пожал плечами. — Устал я что-то сегодня. Обычно в это время я еще бодр и весел, как младенец, а кажется, будто третьи сутки подряд дежурю. Как твои телевизионные страсти? Продвигаются?

— Туго. Собрала данные о том, когда, где и с кем были потерпевшие в течение последних десяти дней перед гибелью, сижу вот, ковыряюсь, пытаюсь составить точную хронологию событий. Ты, кстати, видел когда-нибудь эту передачу?

— Какую?

— «Лицо без грима».

— Нет, не пришлось.

Настя взглянула на часы.

— Хочешь посмотреть? Через три минуты как раз начнется. Я специально маленький телевизор выключил.

чила у Колобка, чтобы получить представление о программе, а то она в такое время идет, когда я еще на работе.

— Давай, — кивнул Лесников, — пока никто меня не дернул.

Но он, как обычно, накликал. Едва Настя успела вытащить из шкафа и включить старенький черно-белый «Шилялис», как из дежурной части позвонил подполковник Кудин.

— Настасья, гони Лесникова в шею, я знаю, что он к тебе пошел. Пусть бежит бегом, его свежий труп дожидается.

Игорь со вздохом поднялся, залпом допил остатки кофе и ушел охранять покой налогоплательщиков, а Настя стала смотреть очередной выпуск «Лица без грима».

С первой же минуты она насторожилась. Что-то шло не так. И ведущего словно подменили, и гость программы выглядел не лучшим образом. В чем дело? Неужели гибель друзей и коллег настолько выбила из колеи Александра Уланова, что он не справляется с собой перед камерой? Да нет, не похоже. После трагедии в эфир вышло пять выпусков, и каждый раз на экране Настя видела спокойного, доброжелательного, умного человека, совершенно лишеного язвительности и демонстративного остроумия.

Гостем программы в этот раз был малоизвестный кинопродюсер. Названия фильмов, которые он сделал, ничего Насте не говорили. Продюсер мямлил нечто невнятное, порой сбиваясь на откровенные глупости, Уланов же никак не помогал ему, несколько отстраненно наблюдая за неловкими попытками кинодеятеля выглядеть умным и неординарным. Хотя, надо признаться, и не мешал ему. Казалось, ведущий как личность просто-напросто отсутствует, и сидит некая бездушная машина, которая задает первый пришедший в голову вопрос и равнодушно ждет, пока собеседник с грехом пополам выпутается из ответа.

На столе перед ведущим и гостем стояли большие чашки с рекламной надписью «Билайн». Продюсер поднес чашку ко рту, сделал судорожный глоток, поперхнулся и начал долго и натужно кашлять. Камера дели-

катно ушла в сторону, теперь весь экран занимало лицо Уланова, с холодным любопытством наблюдающего за кашляющим собеседником. Внезапно Настю осенило: это прямой эфир. В записи затянувшуюся и совершенно неинформативную сцену обязательно вырезали бы. А что же раньше?

Все понятно. Прежние передачи всегда шли в записи. Теперь, после гибели директора и корреспондента, пришлось менять схему. Все, что успели отснять и смонтировать раньше, уже прошло, а за минувшую неделю новых записей сделать не смогли. Вместе с людьми во взорвавшейся машине сгорели блокноты с записями и кассеты... Пропала вся подготовительная работа, которая должна была лечь в основу будущих передач. И теперь Уланов вынужден будет какое-то время работать в прямом эфире, пока не подготовят новые материалы.

Но все-таки странно он себя ведет, даже с учетом стрессовой ситуации. Да, переживает, вероятно, страдает, но это должно было сказаться в первую очередь на реакции и моторике, а никак не на мастерстве и общем духе программы. Мастерство, как говорится, не пропьешь. И концепцию передачи никто, по-видимому, не изменял. Почему же он совсем не помогает своему гостю выглядеть более или менее прилично?

Программа закончилась, на экране замелькали цветные картинки рекламного блока. Настя порылась в своих бумажках, нашла телефон студии, выждала несколько минут и решительно набрала номер.

— Это Каменская, — представилась она, услышав в трубке голос Уланова. — Нам опять надо побеседовать. Когда вам удобно со мной встретиться?

— Обязательно сегодня?

— Желательно. Но можно и завтра, если вы сильно заняты.

— Хорошо, пусть будет сегодня. Вы настаиваете, что-бы я ехал к вам на Петровку?

— Вовсе нет. Мы можем встретиться на нейтральной территории, где-нибудь посередине между центром и Останкино.

— А как же протокол? — усмехнулся Уланов, и Насте

почудилось что-то недоброе в этой усмешке. — Будете на коленках записывать?

— Мы протоколы не пишем, этим обычно занимается следователь. Мы с вами просто поговорим, попробуем найти ответы на интересующие меня вопросы.

— Но я уже неоднократно отвечал на самые разные вопросы и рассказал все, что знал. Ничего нового я вам не сообщу. Прошла неделя, а вы все вопросы задаете вместо того, чтобы искать преступников. Это что, новый стиль работы?

— Александр Юрьевич, мы попусту тратим время на пререкания, — мягко сказала Настя. — По поводу стиля работы я вам все расскажу при встрече. Так когда и где?

Уланов назначил время и место. Энтузиазма в его голосе Настя не услышала, но справедливости ради надо сказать, что и недовольства не было. Усталый человек, лишенный эмоций. Что это, результат пережитого стресса или что-то другое? Она хотела это понять. Пусть Мишенька Доценко ищет денежную подоплеку преступления, а она, Настя Каменская, будет заниматься эмоциями. Ей это интереснее.

* * *

— По-моему, предлагаемая вами комбинация излишне сложна. Неужели нельзя было придумать что-нибудь попроще?

— Можно. Конечно, можно. Но в сложности комбинации весь смысл. Он не должен понимать, что происходит.

— Бог мой, вы произносите банальные истины! Естественно, он не должен понимать.

— Вы не дослушали меня. Когда человек испытывает недостаток информации, чтобы выстроить целостную картину, он начинает додумывать, строить собственные версии происходящего. Такая сложная комбинация, которую разработали мы, не дает возможности построения хоть сколько-нибудь логичной версии. Он будет мучиться, ломать голову, ничего стройного и последовательного не придумает и начнет сомневаться в собственной способности здраво мыслить. А это повлечет

неровности и срывы в повседневном поведении. Это должно сыграть роль коррозии, ржи, которая разъедает металл.

— А если ему все же удастся придумать объяснение, которое покажется ему достаточно обоснованным? Наблюдения показали, что он далеко не глуп и обладает известной фантазией.

— Вот именно, фантазией. Если он создаст собственную версию происходящего, то она неизбежно окажется совершенно бредовой. Мания преследования, идея материализованного абсолютного зла, силы тьмы, пришельцы — все что угодно. Пусть придумывает. Все равно это так или иначе скажется на его поведении и начнет разрушать его связи с окружающими. Каждый его поступок будет расцениваться как действие сумасшедшего, и реакция окружающих будет соответственная. Поверьте мне, мы очень тщательно анализировали его жизнь и составляли психологический портрет объекта. Вы неоднократно имели возможность убедиться в высочайшей квалификации наших психологов.

— Ну хорошо, будем считать, что вы на какое-то время умили мои сомнения. Однако я прошу вас помнить, что это крупнейшая операция за все годы нашего существования. Речь идет об очень больших деньгах, и если мы не сумеем их получить, я вынужден буду считать, что операцию провалили именно вы. Не забывайте об этом.

— Не забуду...

* * *

Ехать на встречу с Каменской из уголовного розыска мне не так чтобы уж страстно хотелось, но кое-какие позитивные моменты в этом были. Во-первых, в ее присутствии меня вряд ли убьют, если, конечно, это не произойдет раньше и я вообще сумею добраться до места, где оно будет, это присутствие. Так что хотя бы на время беседы с этой странной дамочкой можно будет не напрягаться, расслабиться и, как говорят в армии, «оправиться и покурить». А во-вторых, это неминуемо оттянет время возвращения домой, опять же, если возвра-

щению домой суждено будет состояться. Дома я, естественно, в безопасности, Вика меня убивать не станет и траву в чай не подсыплет, она специального человека наняла и теперь ждет, когда он выполнит контракт. Но все равно пребывание наедине с ней превращается для меня в пытку. Почему? Ну почему? За что? Господи, ведь я так ее любил, ничем не обидел, ничего не отнял. Но я и не хочу знать, за что. Если она так решила, значит, считает это правильным. И у меня нет ни малейшего желания выяснять с ней отношения. Из ее рук я готов принять все, даже смерть.

Встречу я назначил на Колхозной площади, рядом с метро. Если пойдет дождь, посидим в машине, а если погода не испортится, можно будет выпить кофе в открытом кафе. Интересно, на сколько она опоздает? Не родилась еще женщина, которая умеет приходить вовремя даже на деловые встречи.

Но Каменская, к моему удивлению, не опоздала. Более того, когда я подъехал к Колхозной площади, она уже стояла в оговоренном месте, хотя до условленного времени оставалось минут десять. Как раз эти десять минут я и оставлял себе про запас на случай «пробки» в районе Рижского вокзала. Дождя не было, я вышел из машины и предложил ей посидеть на улице за достаточно чистым, хотя и слегка колченогим столиком.

До этого я видел Каменскую три или четыре раза, разговаривал с ней, но отчего-то не заметил, как странно она одевается. По-настоящему дорогими на ней были только кроссовки. Пожалуй, они стоили столько же, сколько и обручальное кольцо на ее руке. Все остальное — джинсы, куртка, платок на шее — было дешевым, неброского темного цвета. Впрочем, я слышал, что милиционеры получают маленькую зарплату, на нее хорошо не оденешься. Небось копила на эти «кроссы» целый год.

— Александр Юрьевич, что произошло с вашей передачей? — спросила она.

— Ничего, — я пожал плечами. — А что должно было произойти?

— Я смотрела сегодняшний эфир. Это совершенно не похоже на то, что было раньше.

— Прямой эфир, — коротко пояснил я. — Это всегда выглядит иначе, нежели заранее записанный и отредактированный сюжет.

— И теперь так будет всегда?

— Не знаю. Все зависит от того, когда появится корреспондент, который будет готовить программы вместо Оксаны.

— Просветите меня, Александр Юрьевич, — попросила она. — Я хочу понять, почему вам так необходим корреспондент, если вы прекрасно можете работать в прямом эфире.

Вопрос мне не понравился. Что значит «прекрасно могу работать»? Сегодняшний эфир был чудовищным и никак не отвечал общей концепции программы. Если бы Витя Андреев, наш директор, был жив, он бы мне голову оторвал за такую работу. То, во что я превратил беседу с кинопродюсером, было верхом непрофессионализма, и никакие оправдания на тему стресса и переживаний здесь не проходили. Я это отчетливо сознавал, но не считал нужным ничего менять в ходе эфира. Для чего напрягаться, если без Вити и Оксаны программа умрет самое позднее через неделю, а сам я умру, возможно, куда раньше. Да что там «раньше», меня все равно уже нет в живых. Пусть я еще двигаюсь и дышу, принимаю пищу и алкогольные напитки, произношу слова и произвожу впечатление нормального мужика, но разве человек может быть живым, если для него не существует понятия «завтра» и даже «через час»?

— Видите ли, — я был сама любезность и терпение, — ведущий должен знать о своем собеседнике достаточно много, чтобы сделать разговор с ним интересным для публики. Если бы программа шла один раз в неделю, то у меня было бы достаточно времени, чтобы познакомиться с человеком поближе и заранее продумать ход передачи. Но поскольку передача ежедневная, познакомиться и подготовить беседу с пятью гостями в течение одной недели я не могу просто физически. Для этого и существует корреспондент. Он встречается с будущими гостями передачи, получает сведения об их жизни, деятельности, вкусах, привычках, взглядах и проблемах. Потом, собрав нужные сведения, садится вместе с ре-

жиссером и начинает готовить программу. Ход беседы планируется заранее, неинтересные темы отбрасываются, интересные аспекты высвечиваются особенно ярко. И только на последнем этапе уже подключается ведущий. Оксана Бондаренко была уникальным работником и успевала подготовить необходимые материалы. Уж как она это делала, я не знаю, но факт есть факт. Один человек заменить ее не сможет, нужно искать как минимум трех. А это не так просто, как вы думаете. Поэтому, пока не наладится работа новых корреспондентов, мне придется работать в прямом эфире.

Мне казалось, я был вполне убедителен, хотя Вика и уверяла меня всегда, что врать я не умею. Но не рассказывать же этой дамочке с Петровки правду про нашу программу...

— Я постаралась восстановить все передвижения Андреева и Бондаренко за несколько дней, предшествовавших их гибели, — сказала Каменская, — и у меня остались «белые пятна». Может быть, вы вспомнили еще что-нибудь о своих коллегах?

— Нет, я рассказал вам все, что знал и мог припомнить.

— Значит, добавить вам нечего?

— Совершенно нечего.

— Видите ли, ни их родные, ни друзья не смогли нам даже предположительно пояснить, где Андреев и Бондаренко могли находиться в эти периоды времени. Считалось, что они на работе. Но в студии их в это время не было, и по каким заданиям уехала, например, Оксана, никто сказать не мог.

— Это должен был знать Андреев.

— Но у него теперь не спросишь, — вздохнула она.

— Не спросишь, — тупо подтвердил я. — Больше я вам ничем помочь не могу, к сожалению. У Виктора был отдельный блокнот, куда он заносил все сведения о ходе сбора материалов, там обязательно отмечалось, куда и зачем уехал корреспондент.

— Так жестко контролировали Оксану? — удивилась Каменская.

— Дело не в контроле, а в том, чтобы точно представлять себе ход сбора материала по конкретному сюжету.

Ну и водителя нужно контролировать, в том смысле, чтобы точно знать, куда он уехал и как скоро вернется. Вы с водителем разговаривали?

— Конечно. Он за интересующее нас время полностью отчитался. Но был при этом ни с Андреевым и ни с Бондаренко. Александр Юрьевич, я вынуждена сделать вывод, что у ваших коллег была еще какая-то сфера интересов помимо работы в вашей программе. Может быть, бизнес?

— Может быть, — согласился я. — Но мне об этом ничего не известно.

Беседа тянулась неспешно и вяло, Каменская явно никуда не торопилась, ну а уж я-то — тем более. Куда мне спешить? К могиле? Интересно, какой заказ сделала моя Вика? Может, она велела ликвидировать меня в течение трех дней, и мне на кладбище уже прогулы ставят?

Я постарался незаметно оглядеться. А вдруг наемный убийца где-то поблизости и терпеливо ждет, когда я расстанусь с сотрудницей уголовного розыска? Но людей вокруг было много, а как выглядят наемные убийцы, я не знаю. Да ладно, черт с ним, все равно ведь достанет он меня рано или поздно. От киллеров защиту еще не придумали, вон даже высших должностных лиц вплоть до президентов убивают.

— Вы далеко живете? — внезапно спросил я.

* * *

— Вы далеко живете? — неожиданно спросил Уланов.

— Далек, — ответила Настя. — На Щелковском шоссе. А что?

— Хотите, я вас отвезу домой?

— Хочу, — честно призналась она. — Но мне неловко. Так что давайте не будем создавать вам проблемы.

— Никаких проблем, — Уланов отчего-то развеселился, даже лицо словно помолодело, — мне все равно нужно в те края. В дороге вдвоем веселее будет.

Настя удивленно взглянула на него. Станный он какой-то, Уланов этот. То сидел понурый, разговаривал неохотно, цедил слова, как одолжение делал, а то вдруг стал любезным, улыбается, предлагает подвезти и дела-

ет вид, что нуждается в попутчике. Он совершенно не производит впечатления человека, скучающего наедине с собой. Или он таким простеньким способом пытается свернуть беседу? Что ж, можно пойти ему навстречу, ничего толкового из него все равно не вытянуть. Почему-то она, посмотрев сегодняшний выпуск «Лица без грима», была уверена, что с Улановым что-то происходит и ей удастся его разговорить. Очевидно, она просчиталась, и свое время напрасно потратила, и человека зря побеспокоила.

— Спасибо, — кивнула она, — я буду вам признательна.

В машине Уланов снова стал молчаливым и хмурым, от недавнего оживления не осталось и следа. Нет, ни в каких попутчиках и собеседниках он не нуждался, это точно. Зачем же тогда повез ее домой?

— Александр Юрьевич, у вас никогда не возникало ощущения, что с вашей программой не все в порядке? — спросила Настя наобум.

— Нет, — резко ответил тот. — Что может быть не в порядке с программой? Выразитесь яснее, пожалуйста.

— Попробую. Погибли двое ваших сотрудников. Это не плод больного воображения, это неоспоримый факт. Взрывное устройство было заложено в машину Андреева, в его личную машину, а не вашу «разгонную». Иными словами, мишенью преступников, по всей вероятности, был именно Андреев, директор программы «Лицо без грима». Я допускаю, что смерти его могли желать не обязательно в связи с работой на телевидении, но тогда мы с вами должны признать, что он занимался еще какой-то деятельностью, хотя почему-то ни вы, ни кто-либо другой из вашей команды об этой деятельности ничего не знает. Или знает, но не говорит, что, согласитесь, тоже непонятно и весьма подозрительно. Если же злоумышленники имели в виду убить не только его, но и Бондаренко, они должны были знать, что директор и корреспондент в это время и на этой машине поедут вместе. И тут я вынуждена делать вывод о том, что кто-то из вашего ближайшего окружения в студии либо сам поработал с машиной Андреева, либо дал заинтересованным лицам информацию о планах Виктора и Оксаны. Вам какой вариант больше нравится?

Уланов ответил не сразу, и Насте показалось, что он мысленно повторяет то, что она сказала, пытаясь обдумать и осознать услышанное.

— Никакой не нравится, — наконец подал голос телеведущий. — Я не вижу, зачем кому-то понадобилось убивать Виктора и Оксану, ни вместе, ни по отдельности. Почему бы вам не подумать над версией об ошибке преступника? Машина у Вити была самая обычная, «Жигули» седьмой модели, и цвет ходовой — белый. Может быть, взрывной механизм просто подложили не в ту машину?

— Мы работаем над этим. Владельцы всех машин, находившихся в тот момент поблизости, сейчас проверяются. Скажите, Александр Юрьевич, между Андреевым и Бондаренко не было близких отношений?

Уланов хмуро усмехнулся.

— Были. И что? Оксана не замужем, Виктор недавно развелся. Кому мешала их близость?

— О, вот тут вы не правы, — засмеялась Настя. — Штамп в паспорте имеет мало общего с правом на ревность. Собственно, ревность вообще не связана ни с какими правами. Законный муж может спокойно взирать на любовные похождения супруги, если ему так больше нравится, а брошенный много лет назад случайный любовник может до самой смерти изнывать от ревности и отчаяния.

— Возможно, — равнодушно согласился он. — Вы спортом занимаетесь?

— Я? — Настя изумленно взглянула на Уланова. — Нет. С чего вы взяли?

— Просто вижу, какие у вас кроссовки. Тщательно выбранные, дорогие, а не первые попавшиеся. Современному милиционеру это по карману?

— Что вы, это муж привез из Штатов, сделал мне подарок. Сама я никогда такие не купила бы, для меня это действительно дорого.

Она не только не купила бы такие «крутые» кроссовки, но и носить не стала бы, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Настя любила носить недорогую удобную одежду, немаркую и не стесняющую движений, но ноги были, пожалуй, ее самым слабым местом. К вечеру, особенно в жару, они отекали, и день, проведенный в туфлях с изящной колодкой и на каблучке, превращался

для нее в пытку, поэтому ради физического комфорта ей приходилось, как говорится, поступаться принципами. Надевать привезенные Алексеем кроссовки она отказалась категорически, ссылаясь на их просто вызывающую дороговизну, и упрямо ходила в спортивных ботинках, купленных почти три года назад. Ботинки она выбирала сама, они были достаточно удобными и, главное, привычными, да и в глаза никому не бросались. Но всему, к сожалению, приходит конец, и любимые ботинки не миновали этой печальной участи. Не далее как позавчера они развалились, причем одновременно и как-то одномоментно. Просто не выдержали очередного погружения в глубокую лужу, образовавшуюся после обильного апрельского мокрого снега с дождем. Погоревав полчаса, Настя со вздохом вынуждена была достать из шкафа красно-синюю коробку с новыми кроссовками.

Однако господин Уланов как-то не стремится поддерживать разговор о возможных причинах убийства своих коллег. Кроссовки ему кажутся более интересной темой. Или более безопасной? Если так, то сейчас он наверняка повернет разговор на Настиного мужа.

— Ваш муж бизнесмен? — спросил он.

Она с трудом сдержала улыбку.

— Нет, он ученый. Ездил читать лекции.

— По политологии?

— По математике.

— Да? А я был уверен, что русские ученые ценятся за рубежом только в связи с политикой или экономикой, ездят туда, чтобы рассказывать, почему у нас реформы буксуют и как трудно переходить от развитого социализма к недоразвитому капитализму.

Настя перестала сдерживаться и расхохоталась. Уланов в ответ даже не улыбнулся, лицо его было по-прежнему хмурым и каким-то рассеянным, словно он был погружен в собственные мысли, но изо всех сил старался поддержать беседу, чтобы не выдать своей озабоченности. И чем же вы, господин Уланов, так озабочены? Уж не гибелью Виктора Андреева и Оксаны Бондаренко, это точно, иначе вы с удовольствием продолжали бы обсуждать то, что с ними случилось. Так чем же?

Я изо всех сил старался не спешить, но до дома, где жила Каменская, мы все-таки доехали. К сожалению, ни одна дорога не бывает бесконечной. Почему-то я вспомнил, как на четвертом курсе журфака ехал зимой на экзаме́н, которого панически боялся. Был сильный мороз, троллейбус еле-еле полз по улице Герцена, а я стоял на задней площадке, тупо разглядывая узоры на покрытом инеем окне, и мечтал о том, чтобы эта поездка длилась вечно и мне никогда не пришлось выходить на улицу, входить в здание университета, подниматься в аудиторию, тянуть билет и отвечать на экзамене. Кстати, предчувствие меня тогда не обмануло, я-таки получил тройку, первую и единственную за все пять университетских лет. Меня не спасла даже пестрящая отличными отметками зачетка.

Хлопнула дверь, Каменская вошла в свой подъезд, и я снова остался один. Бог даст, до дома я все-таки доеду, никакой машины, которая сопровождала бы нас от Колхозной площади до Щелковского шоссе, я не заметил, хотя всю дорогу внимательно следил за идущими сзади автомобилями. Дома, как я уже говорил, мне ничего не угрожает. Да и возле дома, пожалуй, тоже. Вряд ли Вика согласится на то, чтобы меня убирали рядом с местом, где она живет. Хотя как знать... Все прожитые вместе с ней годы я был наивно уверен, что хорошо знаю свою жену, однако теперь мне приходится в этом усомниться.

Прошло еще пятьдесят минут, и я вошел в свою квартиру. В квартиру, в которой прожил шесть последних лет, не самых плохих в моей жизни. Господи, всего несколько дней назад все было так хорошо, мы с Викой ездили выбирать английский сервиз, планировали празднование ее дня рождения, мечтали о поездке в сентябре на Средиземное море. Мы наконец стали выбираться из беспросветной нищеты, в которой провели всю свою молодость. Ограничивали себя во всем, откладывая каждую копейку, копили на квартиру, терпели, сцепив зубы, мою сумасшедшую мать, которая изводила Вику, желая оставаться полновластной хозяйкой нашей крошечной давно не отремонтированной квартиры. Мы жили мечтой о собственном жилье, отодвигая рожде-

ние ребенка, и наконец, сделав последний рывок и заняв в долг недостающую сумму, купили себе жилье. Как мы радовались ему! Спали первое время на полу, ели из одной тарелки, постепенно, с каждой зарплатой, с каждого гонорара покупая мебель, посуду, полотенца, простыни. Два года назад мы наконец полностью свили гнездо. И с деньгами стало значительно свободнее, мы смогли купить машину, стали носить хорошую одежду. Сегодня я с уверенностью мог бы сказать, что все мучения кончились, мы выбрались из вечных долгов и теперь начнем жить по-человечески.

И вдруг оказалось, что Вику это не устраивает. Я ей мешаю, и она хочет, чтобы меня больше не было. Почему бы не развестись? Куда проще и дешевле. Но она не хочет развода. Что ж, я ее понимаю. При разводе придется делить имущество, от квартиры до чашек из английского сервиза. Она не хочет делить, она слишком хорошо помнит, как трудно и долго все это добывалось. Она хочет все сразу. Наверное, она с ужасом каждый вечер слышит, как я открываю дверь. Опять я явился. Меня опять не убили. Бедная... Устала ждать, наверное.

— Саша? — послышался из комнаты ее голос. — Как ты поздно.

Она вышла в прихожую в халате, наверное, уже собиралась ложиться в постель. Подошла ко мне, привычно подставила щеку для поцелуя, а я точно так же привычно наклонился и поцеловал ее. Запах духов неприятно ударил в нос. Что за дурацкая привычка пользоваться духами после душа! Черт возьми, а ведь мне всегда это нравилось. Раньше нравилось. И запах ее духов нравился, и то, что ими пахла наша постель.

— Саша, что случилось? — встревоженно спросила она. — Телефон весь вечер разрывается, все спрашивают про сегодняшний эфир.

— Ничего не случилось, — я не смог сдержать раздражения, и слова мои прозвучали, пожалуй, излишне резко.

— Но все говорят, что это было что-то невероятное! Жаль, я не видела, я как раз в это время домой ехала. Хоть ты мне толком объясни, что у тебя произошло.

— Ничего особенного. Не обращай внимания. Просто сегодня пришлось работать в прямом эфире, и

гость программы выглядел не лучшим образом. Вот и все.

Она бросила на меня косой взгляд и обиженно отвернулась. Якобы обиженно. Конечно, раньше я никогда с ней так сухо не разговаривал. И вообще, все, что касалось моей и ее работы, всегда обсуждалось нами живо и заинтересованно. Мы очень дружили. Так, во всяком случае, мне казалось. Я и сегодня, несмотря ни на что, с удовольствием поделился бы с Викой подробностями об интервью с кинопродюсером, но понимал, что ей это не нужно. И обида ее — наигранная. Ни капельки она не обиделась. Ей должно быть абсолютно безразлично, что происходит у меня в студии. Ее теперь интересует только одно: как скоро нанятый ею человек избавит ее от моего тягостного присутствия.

Честно сказать, меня это тоже интересует. Правда, с несколько другими нюансами, но интересует.

Глава 2

Со стрессом, вызванным фактом вторжения воров, Юлия Николаевна Готовчиц справилась относительно легко. Ничего не украли — и слава богу. Замок, правда, сломали на входной двери, но это и починить недолго. Однако, наблюдая за мужем, она начинала тревожиться все больше и больше. Борис Михайлович Готовчиц, доктор медицинских наук, практикующий психоаналитик, на попытку кражи отреагировал явно, по мнению супруги, неадекватно. Он нервничал, был непритворно испуган, чем и зародил в душе Юлии Николаевны не только тревогу, но и подозрения, причем далеко не самые приятные. Вывод, который она сделала, заключался в том, что у Бориса есть какие-то неучтенные семейным бюджетом ценности, которые все-таки пропали, но о которых он не смеет признаться ни работникам милиции, ни ей самой.

Юлия Николаевна всегда старалась быть добросовестным налогоплательщиком, неприятностей на свою голову не искала, поэтому все финансовые дела семьи вела сама, строго следила за всеми получаемыми мужем

гонорарами, заполняла налоговую декларацию и лично следила за тем, чтобы декларация эта была вовремя представлена в инспекцию по месту жительства. Она хотела спать спокойно. Слишком много беспокойных ночей пришлось ей, дочери крупного торгового работника, провести в детстве. Папочкины махинации в конце концов закончились плачевно, и путь в тюремную камеру был прерван веревочной петлей, которую отец в преддверии неминуемого ареста накинул на собственную шею. Именно тогда четырнадцатилетняя Юлия сказала себе, что больше никогда не допустит в своей жизни ничего, мешающего спокойному существованию. Родителей, как известно, не выбирают, но уж свою-то жизнь человек строит сам.

Как только муж Борис взялся за частную практику, Юлия Николаевна сразу же поставила вопрос ребром:

— Или ты даешь мне слово, что мы будем жить честно, или я немедленно ухожу и развожусь с тобой, — решительно заявила она. — Я свое уже в детстве отбоялась, когда родители на каждый шорох по ночам вскакивали. Больше я этого не потерплю.

Ей казалось, что Борис Михайлович понял ее, во всяком случае, возвращаться к этому разговору им не приходилось. Муж не возражал, когда Юлия взялась за контроль финансовых дел и отношений с налоговыми органами, и это позволило ей быть уверенной в том, что он ничего от нее не скрывает. Неужели все-таки он утаивает часть доходов? И пускает эту «заначку» в коммерческий оборот, ввязываясь в сомнительный бизнес. А если не просто в сомнительный, а преступный? И вот теперь подельники устраивают с Борисом какие-то разборки. Никакого другого объяснения испугу и нервозности мужа Юлия Николаевна придумать не могла. Тем не менее все ее попытки прояснить ситуацию ни к чему не приводили. В свободное от консультаций время Борис Михайлович подолгу сидел в своем кабинете, методично перебирая книги и бумаги, будто что-то искал, но на вопросы супруги отвечал как-то невнятно.

— Боря, ну скажи мне честно, что у тебя украли? — ежедневно спрашивала Юлия Николаевна.

— Ничего, — рассеянно отвечал Борис Михайлович. — В том-то весь и ужас, что ничего.

— Я тебе не верю. Если ничего не пропало, то почему ты с ума сходишь? И что ты все время ищешь? Ты не можешь что-то найти и думаешь, что у тебя украли именно это? — допытывалась она.

— Да не ищущ я ничего! — взрывался муж. — Оставь меня в покое.

— У тебя были деньги, о которых я не знала? Почему ты скрываешь от меня? Мы же договорились, Борис...

— Не было у меня никаких денег! Сколько можно повторять одно и то же? Не было.

Юлия Николаевна обиженно замолкала и уходила в спальню, однако уже через некоторое время обида отступала под натиском тревоги. Ведь как все просто, если разобраться: в доме есть деньги, их при желании можно найти, это несложно, но они не тронуты. И драгоценности есть, тоже все целы, лежат на своих местах. Так что же привлекло воров? Ответ очевиден: их интересовали совсем другие деньги, наверняка куда более значительные по сумме и сомнительные по происхождению. Более того, преступники знали, что эти деньги лежат отдельно, и знали, где именно. Какой отсюда вывод? У Бориса есть какие-то хитрые денежные дела, которые он ведет втайне от жены, и в этих делах есть, мягко говоря, хорошо информированные компаньоны, а грубо выражаясь — сволочные сообщники. Этого еще не хватало в хорошо устроенной и устоявшейся жизни Юлии Николаевны! Мало ей нервотрепки в школьные годы, так теперь еще нужно из-за мужниных глупостей трястись от страха. Муж обманывает ее, это теперь яснее ясного.

Но не это самое плохое. Дело в другом. Тогда, много лет назад, она была совсем ребенком, и что бы ни натворил ее отец, ответственности за это не несла. Теперь другой разговор. Если вдруг окажется, что Борис нечист в своих денежных отношениях с государством, то вина падет и на нее. Кто поверит, что она ничего не знала и ни в чем не участвовала? Не зря же говорят: муж и жена — одна сатана. И если случится скандал, то и она, Юлия Николаевна Готовчиц, будет замарана. Она, пла-

менный борец за налоговую дисциплину, она, депутат Готовчиц, журналистка, сделавшая себе имя на разоблачениях нечистооплотных политиков. И прощай, репутация! Ну как же Борис этого не понимает? Ведь сколько раз говорила, просила, убеждала...

И Юлия Николаевна стала делать то, чего прежде никогда себе не позволяла. Когда муж разговаривал по телефону, она снимала трубку параллельного аппарата и слушала. Она рылась в его карманах и в ящиках письменного стола в кабинете. Она подслушивала под дверь, когда Борис Михайлович принимал посетителей. Конечно, все это были люди, приходившие на консультацию, но вдруг кто-то из них окажется из тех? Это было унижительно до отвращения, ни разу за тридцать шесть прожитых лет Юлия Готовчиц ничего подобного не делала, считая такие действия постыдными и недостойными уважающего себя человека. Но она хотела знать правду. А муж ей, что очевидно, правды не говорил.

* * *

Стало уже совсем тепло, в кабинете у Насти, на Петровке, окно было распахнуто настежь, и истошный визг тормозов заставил ее выглянуть на улицу. Нет, слава богу, не авария. Всего лишь Игорь Лесников, который яростно хлопнул дверцей сверкающего «BMW» и влетел в здание. Не прошло и трех минут, как он ворвался к Насте.

— И все-таки я был прав! — почему-то торжествующе выдохнул он.

Настя подняла на него недоуменный взгляд.

— Тоже мне новость. Ты всегда прав. Что на этот раз?

— Помнишь, я тебе рассказывал про кражу у психоаналитика? Точнее, там был взлом, ничего не украдено.

— Помню, — кивнула она.

— И помнишь, я еще тогда тебе говорил, что мне этот психоаналитик чем-то не показался?

— Тоже помню. Что он натворил теперь?

— Пока не знаю. Зато мы имеем в наличии труп его жены. Не остыл еще.

— Красиво, — протянула Настя, откидываясь на спин-

ку стула и расправляя плечи, затекшие от долгого сидения за столом над бумагами. — А почему эта радость досталась нам, а не округу?

— А потому, что супруга испуганного психоаналитика является депутатом Государственной Думы, не больше и не меньше. Вот так, любезная Анастасия. Жди теперь солнечных дней и массу приятной работы.

— Да ну тебя, — Настя расстроено махнула рукой. — Депутатские убийства — не мой профиль. Мне бы что-нибудь про жизнь, про любовь, про застарелую вражду. Это я умею. А в политике я все равно не разбираюсь.

Лесников ехидно улыбнулся.

— Как говорил профессор, у которого я когда-то писал диплом: неграмотность — не аргумент. И не надейся, что Колобок тебя пощадит, принимая во внимание твою патологическую нелюбовь к политике и экономике.

— Да уж, — Настя обреченно вздохнула. — Выходит, можно говорить о том, что взлом был попыткой кражи не у психоаналитика, а у его жены. Кстати, как ее зовут-то?

— Юлия Николаевна Готовчиц.

— Это которая за налоговую дисциплину все время боролась?

— Ну вот, а говоришь, что газеты не читаешь. Врешь ты все, светлейшая, под дурочку работаешь.

— Но я их действительно не читаю. То есть читаю, конечно, но только то, что имеет отношение к криминалу. Зато Лешка смотрит по вечерам информационные программы, и мне приходится это слышать. Можешь мне поверить, я бы с гораздо большим удовольствием послушала «Трубадура» вместо «Вестей» и «Итогов». Но Чистяков мои вкусы в этой части не разделяет, как ни печально.

Это было правдой. Настин муж проявлял поистине чудеса терпимости и с пониманием относился ко многим ее слабостям и недостаткам, но в одном он был непреклонен: в восемь вечера «Вести», в девять «Время» и в десять часов «Сегодня» — это святое и неприкосновенное, а если супруга желает послушать классическую музыку, то пожалуйста, в любое свободное от информационных программ время.

Но шутки шутками, а взлом и вторжение в квартиру

вкупе с последующим убийством хозяйки-парламентария ничего приятного не сулили. Искали скорее всего не деньги и ценности, а какие-то документы. Правильно говорил Настин отчим, много лет проработавший в уголовном розыске: во главе всего стоит борьба за информацию. И в одних случаях ее хотят добыть, а в других — уничтожить, вот, собственно, и весь расклад. Если не удалось найти и изъять документы, то после этого частенько просто избавляются от людей — носителей особо опасных знаний.

Заниматься борьбой за информацию Насте Каменской было интересно. Жаль только, что информация эта носит, судя по всему, характер политический. Но ничего не попишешь. Мало ей телевизионных денежных дел... Да, в последнее время ей везет все реже и реже, времена такие настали, что в основе преступлений все чаще оказываются мотивы и поводы, Насте совершенно неинтересные, а вот любви, ревности, мести и затаенной злобы становится все меньше.

Игорь Лесников ушел докладываться Гордееву, а через полчаса полковник вызвал к себе Настю.

— Хватит сиднем сидеть, — проворчал он, — поезжай вместе с Игорем к мужу потерпевшей. Конечно, он сейчас не в том состоянии, чтобы давать членораздельные показания, но время упускать нельзя. Сами понимаете, депутат Госдумы. Каждую минуту могут начаться звонки и всяческие требования. Двигайте, ребятки, не тяните.

— А... — начала было Настя, но Виктор Алексеевич не дал ей задать вопрос. Он слишком хорошо знал свою подчиненную.

— Не бойся, тебя в Думу не пошлю. Тебе там делать нечего. Слабовата ты для разговоров с нашими политиками. Думцами будет заниматься Коротков, его ничем не прошибешь. Сегодня поработаешь с Игорем, потом я переключу его на другую линию, а тебе оставлю мужа убитой, ее родственников и друзей.

— Спасибо, — благодарно кивнула Настя, в который уже раз возблагодарив судьбу за такого начальника.

Ну что ж, уже легче. Каждый раз, когда от руки преступников погибал кто-нибудь из видных деятелей и пресса поднимала по этому поводу страшный шум

(«Банкиров убивают!», «Министров отстреливают!», «Убивают неугодных журналистов!»), Насте ужасно хотелось, чтобы в результате оказалось, что преступление было совершено по сугубо личным мотивам. В конце концов, банкиры, министры и журналисты — точно такие же люди, как и все остальные, у них есть близкие, есть любимые, есть друзья, а стало быть, есть враги и есть те, кто ревнует. Есть какие-то денежные отношения, есть прошлое, из которого частенько выползают страшные полузабытые тени. Почему всех людей могут из-за этого убивать, а видных личностей — не могут. Никто и не покушается на прогрессивную деятельность честного министра, просто он садист и сволочь и довел любовницу до нервного срыва. Вот она и схватилась за нож...

Насте Каменской очень хотелось, чтобы убийство депутата Юлии Готовчиц оказалось именно таким, «бытовым». То есть самым обыкновенным.

* * *

За годы работы в уголовном розыске ей довелось видеть множество людей, у которых погибли близкие. Все вели себя по-разному. Кто-то был в ступоре, словно окаменел, кто-то бился в истерике, некоторые держали себя в руках, как умели. Но такие, как Борис Михайлович Готовчиц, попадались Насте крайне редко. Положа руку на сердце, можно сказать, что и вовсе не попадались.

Борис Готовчиц был напуган. Причем напуган так сильно и так явно, что, казалось, даже не чувствовал боли утраты. Он ни минуты не сидел спокойно, постоянно меняя позу, хрустел пальцами, все время что-то вертел в руках, а взгляд его был обращен внутрь себя. Похоже, он даже плохо слышал своих собеседников.

— Борис Михайлович, тело вашей жены было обнаружено на улице Островитянова. Вы не знаете, что она делала в этом районе?

— Нет. Я вообще не знаю, где это.

— Это на юге Москвы, рядом со станцией метро «Коньково». Там еще есть большой вещевого рынок.

— Не знаю. Может быть, что-то покупала на рынке...

— Среди ее вещей не было никаких покупок, только сумочка. На этой улице не живут ваши знакомые или родственники?

— Я же сказал, не знаю. Ну сколько можно, в самом-то деле!

— Столько, сколько нужно, — неожиданно жестко произнес Лесников.

Настя кинула на него укоризненный взгляд. Разве так можно? У человека жену убили, естественно, что у него реакция не вполне адекватная. Когда человек в таком состоянии, ему нужно прощать и хамство, и грубость, и глупость, и забывчивость. Однако Готовчиц даже не заметил резкости оперативника, настолько он был погружен в себя.

— Расскажите, пожалуйста, как можно подробнее, о вчерашнем дне. Где были, что делали вы и Юлия Николаевна? Куда ходили, кто вам звонил, о чем вы разговаривали?

— Все, как обычно. Встали в половине восьмого, как и каждый день. Завтракали. Разговаривали... О чем-то... Сейчас уже точно не помню. Ничего особенного. В десять я начал прием, а Юля в своей комнате работала, готовила материалы для выступления в Думе. Потом обедали, часа в два примерно. В четыре ко мне снова пришли на консультацию. Когда пациентка уходила, Юли уже не было дома. Больше я ее не видел. Вот...

Готовчиц снова захрустел пальцами и отвернулся.

— Во время утреннего приема вам кто-нибудь звонил? — спросила Настя.

— Не знаю. В моем кабинете есть телефон, но, когда я работаю с пациентом, я его обязательно отключаю. Вы должны это понимать.

— Да-да, конечно, — торопливо согласилась она. — А другой аппарат?

— В спальне и на кухне. Но, когда я веду прием, Юля устанавливает минимальную громкость звонка, чтобы в кабинет не доносилось ни звука. Она даже по квартире ходит на цыпочках. Во время беседы должны существовать только я и пациент. Двое во всем мире. Понимаете?

Ощущение, что рядом есть кто-то третий, очень мешает. Никаких посторонних шумов быть не должно.

— Значит, вы не знаете, звонил ли кто-нибудь вам или вашей жене с десяти до двух?

— Мне кто-то звонил... Я уже не помню. Юля всегда записывала, что передать, и после приема мне все рассказывала.

— Значит, вчера во время обеда она вам доложила, кто вам звонил, — уточнил Игорь.

— Да, конечно.

— А о том, кто звонил лично ей, она не говорила?

— Я не помню. Может быть... Я не очень вслушивался.

— Почему?

Вопрос был самым обычным, но психоаналитик на него не ответил, только неопределенно пожал плечами.

— Во время обеда Юлия Николаевна делилась с вами своими планами на вторую половину дня?

— Нет... Кажется... Я не вслушивался.

— Вы были чем-то озабочены, встревожены?

— Я? Нет. С чего вы взяли?

— Значит, для вас является обычным, когда вы не слушаете, что говорит ваша жена?

Это было, конечно, хамством со стороны Лесникова, но прояснить ситуацию все-таки надо. Может быть, в этой семье не все ладно? И убийство депутата Госдумы является не политическим, а самым что ни есть бытовым?

Готовчиц перевел на Лесникова взгляд, который вдруг стал осмысленным и острым.

— Не хотел бы думать, что вы пытаетесь на что-то намекать. Мы с вами, Игорь Валентинович, уже встречались, когда воры взломали дверь в мою квартиру. Надеюсь, вы помните об этом. Естественно, что сам факт взлома не давал мне покоя, хотя ничего и не пропало. И я был этим весьма озабочен.

Сейчас перед Настей сидел совсем другой человек, собранный, серьезный. Надо же, он даже вспомнил, как Лесникова зовут, хотя Настя точно знала, что в этот раз Игорь своего имени-отчества ему не называл. Просто «капитан Лесников». А она — «майор Каменская».

— Скажите, а ваша жена тоже переживала по поводу взлома? — спросила Настя.

— Да.

Сказано это было твердо, но почему-то показалось убедительным.

— В квартире есть бумаги или документы, принадлежащие Юлии Николаевне?

— Разумеется.

— Прошу вас их показать.

Готовчиц резко поднялся с кресла, в котором сидел. Только теперь Настя обратила внимание на его внешность: красивый рослый мужчина, слегка за сорок, густые, хорошо постриженные волосы, крупные черты лица. Но нервозность отчего-то делала его маленьким и суетливым. Более того, Насте приходилось делать над собой усилие, чтобы не видеть его плешивым. «Вот ведь чудеса, — усмехнулась она про себя. — Иной актер полжизни отдал бы за то, чтобы уметь собственным усилием создавать внешний образ, не имеющий ничего общего с реальной действительностью. Надо же, как внутреннее состояние может влиять на восприятие внешности! Никогда не поверила бы, если бы своими глазами не увидела».

— Принести сюда или вы посмотрите на месте?

— Посмотрим на месте, там, где они находятся, — ответил Игорь.

Бумаги покойной находились в гостиной, в секциях мебельной стенки. Готовчиц молча вытащил их и положил на диван.

— Пожалуйста, знакомьтесь.

— А где Юлия Николаевна обычно работала, когда находилась дома? — спросил Игорь.

— Когда как. Если я вел прием, то в спальне, подальше от кабинета, я вам уже объяснял...

— Да-да, — торопливо кивнул Лесников. — А в другое время?

— Здесь, в гостиной, или на кухне.

— Значит, в спальне и кухне тоже могут быть бумаги?

— Наверное. Посмотреть?

— Будьте любезны.

Борис Михайлович вышел, оставив их одних.

— Ты что, собираешься все это смотреть прямо здесь? — недоверчиво спросил Лесников.

— Нет, конечно, заберем с собой. Но первичный просмотр надо бы сделать в присутствии хозяина. Может быть, понадобятся какие-то пояснения. Зачем же его потом дергать по телефону каждые пять минут.

— С ума сошла! — выдохнул он. — Здесь же работы на два дня.

— Не преувеличивай, — Настя поморщилась и взяла в руки тонкую пластиковую папочку. — Сейчас быстро рассортируем в первом приближении и поедем. Или ты торопишься?

— У меня ребенок болеет, жена совсем замучилась, несколько ночей не спала. Просила, чтобы я хоть раз пришел пораньше и дал ей отдохнуть.

— Так иди. Я сама справлюсь. Правда, Игорек, поезжай, будем надеяться, что уважаемый психоаналитик меня не съест.

— А вдруг это он жену... А? Не боишься оставаться один на один с убийцей?

— Да ну тебя! — фыркнула Настя. — Во-первых, я через это уже проходила много раз и пока цела. А во-вторых, если убийца — он, то почти наверняка не из-за того, что содержится в этих бумагах. Поэтому, пока я копаюсь в документах жены, я для него не опасна, потому что отрабатываю неправильную версию. И он мне в этом деле будет первым другом и верным помощником.

Лесников взглянул на часы.

— Половина восьмого. Но ты точно не обидишься, если я поеду?

— Да точно, точно. Поезжай. Завтра увидимся.

Из кухни доносился звук передвигаемых стульев, хлопали дверцы навесных шкафов.

— Пойди взгляни, чего он там копается, — шепотом попросила Настя.

Игорь быстро выскользнул из комнаты. В самом деле, нельзя было оставлять хозяина одного. Как знать, все ли бумаги убитой жены он собирается предоставить работникам уголовного розыска? А может, захочет что-то утаить?

Раздался грохот падающего стула, и Настя испуганно

выскочила на кухню. На полу валялись папки, отдельные листы и опрокинутая табуретка, а хозяин квартиры молча стоял, опустив руки, и, казалось, не понимал, что происходит.

— Я вам помогу, — Настя наклонилась и принялась собирать бумага. — Иди, Игорь, мы сами справимся.

Борис Михайлович опустился на колени рядом с ней, но ни одной бумажки с пола не поднял, просто наблюдал за Настей, ожидая, пока она все соберет. И даже не вздрогнул, когда за Лесниковым захлопнулась дверь.

— Простите меня, Борис Михайлович, я понимаю, что мои расспросы кажутся вам сейчас неуместными. И вообще мое присутствие вас тяготит. Но нам надо раскрывать преступление, и вам, к сожалению, придется терпеть наше вмешательство в вашу жизнь еще какое-то время, — как можно мягче сказала она.

— Какое именно? — спросил Готовчиц.

— Хотелось бы надеяться, что недолгое. Но тут трудно прогнозировать. Как повезет.

Он медленно поднялся с колен, поставил на место опрокинутую табуретку и сел.

— Давайте поговорим здесь. Не возражаете?

— Давайте. Сделать вам чаю? — предложила Настя.

— Да, спасибо.

Она включила электрический чайник и огляделась. Кухня была красивой, просторной, со встроенной мебелью, идеально подогнанной под размер стен. Открывая дверцу шкафа, чтобы достать чай и сахар, Настя машинально отметила, что это не цельное дерево, а шпон. Иными словами, мебель добротная, но не из самых дорогих. Тысяч за шесть-семь долларов. Из цельного дерева вышло бы куда дороже, тысяч под двадцать, если не больше. В семье царит достаток, но без шика и излишеств.

— Борис Михайлович, я могла бы объяснить ваше состояние свалившимся на вас горем. Но мне кажется, что есть что-то еще. Я ошибаюсь?

Готовчиц поднял на нее тусклый взгляд, снова обращенный внутрь себя, потом с трудом шевельнул губами.

— Нет, вы не ошибаетесь. Но, если я скажу вам, что

меня тревожит, вы, вероятно, сочтете меня сумасшедшим. Мне бы этого не хотелось.

— И все-таки...

— Вы настаиваете?

— Да, я настаиваю, — твердо сказала Настя.

— Мне кажется, что я схожу с ума.

Он сделал паузу, вероятно, ожидая ответной реплики. И не дождавшись, повторил:

— Мне кажется, что я схожу с ума.

— Почему вам так кажется?

— У меня появилась мания преследования. Это признак тяжелого расстройства.

— Давайте попроще, ладно? В чем выражается ваше расстройство?

— Мне кажется, что за мной следят. Мне кажется, что в мое отсутствие в квартиру приходят посторонние и роются в вещах и бумагах. Я умом понимаю, что этого не может быть, но постоянно нахожу всевозможные подтверждения этому. Не зря, вероятно, говорят, что человек, все время имеющий дело с психическими расстройствами, рано или поздно сам становится похож на своих пациентов. Вот и со мной это произошло.

«Прелестно, — с ужасом подумала Настя. — Сейчас выяснится, что он страдает психическим заболеванием и вполне мог убить любимую супругу в состоянии острого психоза. А я, идиотка, отпустила Игоря и осталась с ним один на один. Ну, Каменская, ты даешь! Ничему жизнь тебя не учит».

— Начнем по порядку, — как можно хладнокровнее сказала она. — Откуда появилось ощущение, что за вами следят?

— Я замечаю одних и тех же людей рядом с собой. В разных местах, в разных концах города.

— Разных людей или одного и того же человека?

— Разных. По крайней мере троих. Пожалуй, даже четверых.

— Уверены, что не ошибаетесь? Не обознались? Похожих людей очень много, уверяю вас.

— У меня прекрасная память на лица. Я отчетливо вижу, что одежда другая, а лицо то же самое.

— Борис Михайлович, но ведь это совершенно объ-

яснимая вещь. Вспомните, вас недавно пытались обокрасть. Вы утверждаете, что ничего не пропало. Это означает, что преступники не нашли то, что искали. Просто не успели в намеченное время, и им пришлось скрыться. А коль не нашли, стало быть, будут продолжать попытки. Поэтому вполне естественно, что они следят за вами, чтобы точно знать, когда квартира будет пустой, чтобы предпринять еще один заход. Вас устраивает такое объяснение?

Готовчиц посмотрел на нее более осмысленно, во всяком случае, глаза его уже не были такими тусклыми, как несколько минут назад.

— Значит, вы считаете, что за мной действительно могут следить?

— Конечно. Это более чем реально.

— Вы хотите сказать, что это не бред? Не мания?

— Думаю, нет, — соврала Настя, хотя вовсе не была в этом уверена. — И если вас устраивает мое объяснение, то нам придется вернуться к вопросу о краже. Что искали преступники в вашей квартире?

— Но я уже говорил Игорю Валентиновичу, я не знаю. Ума не приложу.

— Вы абсолютно уверены в том, что ничего не пропало?

— Абсолютно.

Готовчиц стал раздражаться, и Насте на мгновение стало по-настоящему страшно. Что, если он на самом деле сумасшедший? Сейчас как разозлится, да и ткнет ее ножичком для разделки мяса, благо он совсем близко висит, рукой дотянуться можно. Нет, не нужно рисковать.

— У Юлии Николаевны были враги? — свернула она в другую сторону.

— Враги? — переспросил Борис Михайлович.

— Ну да. Завистники, недоброжелатели или просто обиженные ею люди. Люди, которые могли желать ей зла.

— Она журналистка... Вы должны понимать, что у любого журналиста обязательно есть враги. Хотя бы те, о ком он писал неллицеприятные вещи. У Юли было острое перо и язвительный стиль, полагаю, она многих

обидела. Неужели ее из-за этого убили? Я как-то не верил, что журналистов могут убивать за то, что они публикуют.

— Журналисты такие же люди, как мы с вами, их могут убить за что угодно, совсем не обязательно за то, что они пишут. Но ваша жена была еще и депутатом. Она не рассказывала вам о каких-нибудь конфликтах в депутатской среде?

— Да нет... Впрочем, я не особенно вникал. Но если бы ситуация была достаточно серьезной, я бы запомнил. Юля, видите ли... она... очень вязкая, если вам понятно, что я имею в виду. Застревает на всем подолгу, повторяет одно и то же по многу раз. Чем серьезнее ситуация, тем чаще она о ней рассказывает... рассказывала... Да... простите...

Он на секунду зажмурился, потом снова открыл глаза.

— Одним словом, я бы запомнил.

— Хорошо, тогда помогите мне, пожалуйста, рассортировать ее бумаги. Не буду больше терзать вас разговорами, вы, наверное, все это уже рассказывали сегодня следователю.

— Нет, со следователем я не разговаривал.

— Вот как? — удивилась Настя.

— Да, он попросил меня приехать завтра. Знаете, мы с ним встретились в морге на опознании, он спросил, когда и куда вчера ушла Юля и где я сам был вечером. Наверное, я очень плохо выглядел, потому что он сжался надо мной и сказал, что допросит меня завтра.

Настя про себя усмехнулась. Следователь Гмыря был хорошим мужиком, но состраданием к потерпевшим обычно не отличался. Просто он был многодетным отцом, своих четверых детишек обожал и собственные семейные интересы всегда ставил выше служебных. Он даже в свое время из уголовного розыска ушел на следственную работу, потому что не хотел рисковать и оставлять (тьфу-тьфу, не сглазить) жену вдовой, а детей сиротами. Правда, в нынешнее веселенькое время работа следователя не менее опасна, чем работа сыщика, но Гмыре отчего-то казалось, что так будет спокойнее. Наверное, торопился к детям, домой или на родительское собрание в школу, потому и отпустил мужа убитой по-

сле самой поверхностной беседы, хотя и не полагалось бы так поступать.

В течение часа она с помощью Бориса Михайловича рассортировала бумаги покойной, разделив их условно на «личные», «семейные», «журналистские» и «депутатские», после чего ушла, оставив Готовчица наедине со своим горем.

«Странно, — думала она, трясаясь в набитом поезде метро, — я так долго пробыла в квартире, и за все это время не раздалось ни одного телефонного звонка. Ни друзей и родственников с утешением и сочувствием, ни пациентов. Вообще никого. Так не бывает. Неужели семья была настолько нелюдимой? Да нет, не похоже. Разве что Борис Михайлович предусмотрительно отключил телефон, чтобы не мешали».

Подходя к своему дому, Настя поймала себя на трусливой мысли: хорошо бы, чтобы Лешки не было. Поймала — и ужаснулась. Неужели ее решение два года назад вступить в брак было ошибкой? Неужели прошло всего два года, и она поняла, что никакой муж ей не нужен, даже такой чудесный, как Алексей? Нет, нет, долой такие мысли, они не имеют права приходить в ее голову. Лешка самый лучший, самый умный, самый терпеливый, самый добрый и внимательный.

Ей казалось, что она убедила себя, однако, открыв дверь квартиры и увидев свет, ощутила укол разочарования. Муж дома. И с ним придется общаться. Самой что-то рассказывать, слушать его, отвечать на вопросы... А может быть, все дело в том, что ей вообще никто не нужен? И какая разница, хороший Леша или плохой. Ни хороший и ни плохой, он ей все равно не нужен.

«Бред, — одернула себя Настя, — полный бред. Как это мне Лешка не нужен? Просто я устала, я вымоталась за последние месяцы так, как никогда прежде, и больше всего на свете мне хочется тишины и одиночества, вот и все. Но это же пройдет, это обязательно пройдет, нужно только набраться терпения и постараться никого не обижать. И уж тем более Лешку. Он вообще святой, потому что терпит меня вместе со всеми моими выходками и выкрутасами уже двадцать лет. В школе-то я еще ничего была, а с возрастом характер стал портиться, да

и работа моя к душевности и мягкости не располагает. А Лешка все это сносит безропотно. Да ему памятник ставить надо!»

Во время этого молчаливого монолога она успела расшнуровать кроссовки и вдруг сообразила, что муж не вышел в прихожую ей навстречу, как это бывало всегда. И вообще ни из комнаты, ни из кухни не доносилось ни звука. И ужином почему-то не пахло. Может быть, ей все-таки повезло и Алексей остался в Жуковском, у родителей? Да, но свет-то горит...

Быстро сунув ноги в уютные мягкие тапочки, Настя заглянула на кухню, потом в комнату. Господи, как все просто! Лешка спал на диване, с головой завернувшись в теплый клетчатый плед. «Вот и хорошо, — с облегчением подумала она, — можно еще какое-то время побыть в одиночестве и помолчать».

Осторожно притворив дверь комнаты, она на цыпочках прошла в кухню и заглянула в холодильник в надежде найти что-нибудь пригодное для ужина. Надежды, однако, не оправдались. Продуктов, правда, было много, но все нужно готовить. А готовить, естественно, не хотелось. Ладно, обойдемся кофе с печеньем. И вкусно, и сытно, и хлопот никаких. Достать чистую чашку, печенье и банку с растворимым кофе «Капитан Колумб» — и можно дольше не вставать с места, благо электрический чайник стоит прямо на столе.

Минут двадцать Насте удалось провести в благостной тишине, а потом отчаянно зазвонил телефон. Схватившись, что аппарат остался в комнате рядом со спящим мужем и кляня себя последними словами, она ринулась снимать трубку. Но было поздно. Алексей проснулся и заворочался под пледом.

— Анастасия Павловна? — послышался в трубке смутно знакомый голос.

— Да, я вас слушаю.

— Это Готовчиц.

Ну конечно, Готовчиц. Теперь она отчетливо вспомнила его голос и манеру говорить.

— Вы просили немедленно сообщить, если кто-нибудь будет звонить Юле...

— Да-да. И кто звонил?

— Какой-то Дмитрий. Фамилию не назвал.
— Вы сказали ему, что ваша жена... — Настя замялась.
— Нет, вы же предупреждали. Я спросил, что передать. Он оставил свой телефон и сказал, что будет ждать Юлиного звонка.

— Кто он такой, не знаете?

— Нет.

— И имени этого от Юлии Николаевны не слышали?

— Нет, — повторил Борис Михайлович.

Настя записала имя и номер телефона, которые продиктовал ей Готовчиц. Где-то она уже видела этот номер... Давно, это точно, но видела. И даже звонила по нему. Память на цифры у Анастасии Каменской была отменная.

— Давно пришла? — сонно спросил Алексей.

— Только что, — быстро соврала она.

— Не ври, я же чувствую, как твой «Колумб» пахнет. Ты уже и кофе выпить успела. Почему не разбудила?

— Жалко было, ты так сладко спал.

— Я, между прочим, не ужинал, тебя ждал, специально лег спать, чтобы спастись от голода. А ты и рада мужа уморить.

Насте стало стыдно. Все-таки она неисправимая эгоистка! Думает только о том, как бы избежать разговоров и побыть в тишине и одиночестве, а Лешка ждет ее голодный.

Но чувство стыда быстро заглохло под натиском любопытства. Кто такой этот Дмитрий с таким знакомым номером телефона? Она должна вспомнить, должна. Конечно, завтра утром она придет на работу и в течение десяти минут выяснит, чей это телефон, но до утра еще так долго, а узнать поскорее так хочется... Можно, правда, набрать номер и поговорить с абонентом, но есть опасность все испортить.

Она поплелась следом за мужем на кухню, повторяя мысленно семь цифр и имя: Дмитрий. Нет, определенно, она звонила по этому номеру. Несколько лет назад. Вспомнить бы, при каких обстоятельствах...

— Что ты делаешь? — вывел ее из задумчивости испуганный окрик Алексея.

— А что?

Она недоуменно посмотрела на свои руки и обнаружила, что пытается очистить огурец для салата при помощи черенка столовой ложки.

— Извини, — пробормотала она виновато, — задумалась.

— Сядь на место, пожалуйста, — сердито сказал муж, — и не наноси урон хозяйству. Толку-то от тебя...

В течение нескольких минут тишину в кухне нарушал только стук ножа: Алексей быстро резал огурцы и зелень. Настя попыталась было снова сосредоточиться на знакомом номере телефона, но муж опять прервал этот сладостный процесс самопогружения.

— Ася, что с тобой происходит? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ничего, солнышко, я же сказала: просто задумалась.

— Может быть, ты наконец перестанешь делать из меня идиота?

В его голосе так явственно зазвучал холод, что Настя невольно поежилась. Господи, ну что еще? Чем она на этот раз провинилась?

«Мне не нужно было выходить замуж, — обреченно подумала она в очередной раз. — Ни за Лешку, ни за кого бы то ни было вообще. Я не создана для совместного проживания с другим человеком».

— Я уезжал всего на каких-то неполных три месяца, — продолжал Алексей, — а когда вернулся, застал вместо тебя совершенно другого человека. Прошло три недели с момента моего возвращения, и за все эти три недели я ни разу не увидел рядом с собой женщину, которую двадцать лет любил и знал как самого себя. Ты стала другой и не соизволила удостоить меня никакими объяснениями. Сейчас я хочу услышать от тебя вразумительный ответ: что происходит?

— Ничего, — она пожала плечами и потянулась за сигаретой.

— Ты встретила другого мужчину, которого смогла полюбить сама?

— Что значит сама? — попыталась отшутиться Настя. — Разве любить тебя мне кто-то помогает?

— Не нужно так, Ася.

Он помолчал, сосредоточенно очищая дольки чеснока и разрезая их пополам перед тем, как засунуть в «давилку».

— Я прекрасно понимаю, что из нас двоих целую я, а ты лишь подставляешь щеку. Много лет я с этим мирился, но каждый день ждал, что найдется человек, которого ты будешь целовать сама. Так что, дорогая моя, это случилось?

— Ты с ума сошел!

Она расхохоталась, несмотря на то, что поводов смеяться вообще-то не было, да и настроения, надо признаться, тоже.

— Лешка, это тебя в твоей Америке так испортили? Что за бредовые мысли в твоей голове? Ты всегда будешь для меня лучше всех на свете, и не делай, пожалуйста, вид, будто ты этого не знаешь.

— Ну, вероятно, чем-то я все-таки нехорош, коль ты не считаешь нужным делиться со мной своими проблемами.

— Леша, но мы сотни раз это обсуждали, — в отчаянии сказала Настя. — Незачем тебе вникать в мои проблемы, они носят сугубо служебный характер, и помочь в их разрешении ты все равно не можешь, как бы ни старался.

— Ты врешь.

Он произнес это абсолютно спокойно, по-прежнему стоя к ней спиной и занимаясь салатом, одновременно следя, чтобы мясо на сковороде не пригорело. Настя замерла, как кролик перед удавом, с ужасом ожидая продолжения. Но его не последовало. Алексей высказал свою точку зрения и замолк, по-видимому, не желая ничего из нее вытягивать, ловить на слове и доказывать, почему она врет. Пауза затягивалась, и с каждой секундой Настя все острее ощущала необратимость происходящего. Надо было отвечать сразу, и каждое мгновение, проведенное в молчании, делало все дальнейшие слова все более и более бессмысленными. Нужно что-то сказать, но слов не было, и желания говорить не было. Была только огромная усталость и стремление побыть в одиночестве, чтобы не нужно было ни с кем разговаривать. Никому ничего не объяснять. Не отвечать ни на

какие вопросы. Никого не видеть. Просто закрыть глаза, посмотреть внутрь себя и подумать. Наверное, так устроены далеко не все, чаще всего люди любят общаться и обсуждать с близкими, а то и с не очень близкими, свои проблемы, делиться тревогами и надеждами, спрашивать совета. Но она, Настя Каменская, устроена по-другому. В последнее время она все чаще ловит себя на мысли, что ей вообще никто не нужен. Ни мама, ни отчим, ни муж, ни коллеги по работе. То есть коллеги, конечно, нужны, но именно для того, чтобы вместе делать дело, а больше ни для чего. Ни для душевительных бесед, ни для сплетен, ни для хныканья в жилетку.

Господи, как долго она молчит! Лешка, наверное, думает, что она испугалась его обвинений во лжи и судорожно сочиняет какие-то оправдания. Слишком много времени прошло после его последней фразы, теперь что бы она ни сказала — все покажется ему надуманным, фальшивым. Враньем, одним словом. К тому же наспех состряпанным. «А может, не нужно прерывать паузу? — подумала Настя трусливо. — Леша обиделся, теперь будет молчать по крайней мере до утра. Что, собственно говоря, и требовалось. И пусть думает, что хочет. Я-то точно знаю, что ни в чем перед ним не провинилась и никакого нового мужика не завела, так что оправдываться мне не в чем. Разве я смогу объяснить ему, что со мной происходит? Разве смогу рассказать, на сколько десятков лет постарела, пока жила с мыслью, что мой отчим — преступник? Но, если не рассказать ему обо всем, что произошло, пока он был в Штатах, он никогда не сможет понять, почему мне так хочется тишины и одиночества. Кто это написал: «Тишины хочу, тишины... Нервы, что ли, обожжены?» Кажется, Евтушенко. У меня внутри все сгорело. Все силы ушли на то, чтобы смириться с предательством отчима и не умереть от ужаса, боли и горя. А унижение, которое я перенесла, умоляя Заточного взять меня к себе на работу? Больше меня уже ни на что не хватает. А Лешка, глупый, думает про каких-то чужих мужиков...»

Она вскочила и крепко обняла мужа, прижавшись щекой к его спине.

— Осторожно, у меня острый нож, — недовольно

произнес Алексей. — Я порежусь, если ты будешь меня толкать.

— Леш, ты лучше всех на свете! — искренне сказала Настя. — Без тебя я бы ни одно преступление не раскрыла.

— Да ну?

Чистяков обернулся и посмотрел на нее, скептически приподняв брови.

— Что за очередная выдумка? Пытаешься ускользнуть от разговора?

— Никогда. Я тебя обожаю.

Она чмокнула его в щеку и ушла в комнату, где стоял телефон. Она вспомнила, кому принадлежал телефонный номер, который продиктовал ей Борис Михайлович Готовиц.

Глава 3

Они не встречались почти пять лет. За это время Дмитрий Захаров слегка погрузнел, а виски стали совсем седыми. Но глаза оставались по-прежнему хитрыми и лукавыми, словно он постоянно хотел напомнить собеседнику о чем-то таком... пикантном. Известном только им двоим. Насте от этого взгляда делалось не по себе, хотя она точно знала, что так Димка смотрит на всех, а не только на нее.

— Значит, ты по-прежнему в сыском агентстве?

— В охранным, — поправил Захаров. — Именно поэтому мне и пришлось отказать милейшей Юлии Николаевне. Я объяснил ей, что могу только организовать личную круглосуточную охрану ее мужа либо охрану квартиры, а слежкой мы не занимаемся, это не наш профиль.

— Она говорила тебе, почему хочет следить за собственным супругом? — поинтересовалась Настя.

— Нет. Она с ходу начала выяснять, можем ли мы установить постоянное наблюдение за ним и его связями, а я точно так же с ходу ее прервал и посоветовал обратиться в другую фирму. Дал ей несколько телефонов и

сказал, что если ее эти фирмы не устроят, могу помочь подыскать другие варианты. Вот, собственно, и все.

— А зачем ты ей вчера звонил?

— Хотел предложить услуги своего приятеля. Мы с ним когда-то вместе в отделении работали, потом потеряли друг друга из виду, а на днях он вдруг объявился, и оказалось, что он открыл агентство, как раз и специализирующееся на слежке за неверными супругами. Только-только начал, и ему нужна клиентура. Вот я и подумал, что если Юлия Николаевна еще никого не нашла, то я их солью в сыщицком экстазе. Слушай, а когда ее убили-то?

— Позавчера. Дим, будь другом, принеси мне еще кофе, — попросила Настя, — а то я никак не проснусь.

— Ничего себе! — Захаров присвистнул и посмотрел на часы. — Время — половина одиннадцатого.

— Ой, Дима, для меня это все равно что пять утра. Я до трех часов дня вообще не человек, а полусонная особь непонятного пола. Зато после часа ночи самая жизнь начинается. Надо спать, а голова пашет как заведенная, мысли всякие рождаются, придумки придумываются, даже что-то вроде охотничьего азарта во мне просыпается.

— Ну, положим, я и так знаю, что именно в тебе иногда просыпается в пять утра, — весело подмигнул он, вставая, чтобы принести Насте еще одну чашку кофе.

Они сидели в тихом уютном китайском кафе на Красной Пресне. В этот час Настя и Дмитрий Захаров были здесь единственными посетителями, остальные пять столиков пустовали, и стулья вокруг них отчего-то казались сиротливыми. Зато и оглушительной музыки, типичной для таких заведений, не было, и это радовало Настю больше всего.

— Пей, кофеманка, — Дима поставил перед ней уже третью за время их разговора чашку кофе и уселся напротив.

Настя не спеша размешала сахар, отложила ложечку и погладила Захарова по руке.

— Димочка, я не люблю прозрачных намеков на свое нецеломудренное прошлое, поэтому давай договорим-

ся раз и навсегда: этого не было. И это не предмет для обсуждений. Хорошо?

— Как это не было, когда было, и я это прекрасно помню, — рассмеялся он, накрывая Настину ладонь другой рукой.

— Это было не со мной. Я прошу тебя, Дима... Пожалуйста. Ты просто подловил момент, когда меня можно было затащить в постель.

— Я не понимаю, — очень серьезно сказал Захаров. — Тебе что, неприятно об этом вспоминать? Ты стыдишься того, что произошло? Жалеешь об этом?

— Не жалею и не стыжусь. Это было прекрасно. Но именно было. БЫЛО. И больше не будет. Поэтому нет смысла вообще говорить об этом.

— Забавная ты, Настюха, — усмехнулся он. — По-прежнему не замужем?

— Увы, — она шутливо вздохнула и отняла руку. — Сломалась. В мае будет два года, как я стала замужней дамой.

— И, конечно,охранишь верность супругу?

— Конечно, — Настя весело улыбнулась. — Но он, к счастью, в этом сомневается.

— Не понял, — протянул Дмитрий. — Почему «к счастью»?

— Потому что он вчера устроил мне сцену ревности, заподозрив в измене, и только благодаря этому мне удалось вспомнить, что по номеру телефона, который продиктовал мне Готовчиц, я звонила когда-то именно тебе. Сидела и перебирала в голове: может, я действительно давала Лешке повод для ревности? Вот и про тебя вспомнила. Ладно, Димуля, вернемся к покойной Юлии Николаевне. Какое впечатление она на тебя произвела?

— Сильная дамочка, с характером.

— Ты хочешь сказать, с норовом? — уточнила она.

— Да нет, я бы так не сказал. Именно с характером. Сильная, волевая, умеет смотреть в глаза неприятностям и не прятаться от них. Мне даже показалось, что она как бы ищет негативную информацию.

— А поточнее? — насторожилась Настя.

— Ну вот... — Захаров на мгновение задумался. — Есть люди, которые ни за что не верят в плохое, даже если

это плохое происходит на их глазах. Они придумывают сто пятьдесят объяснений и оправданий, прячут голову в песок. Самый типичный пример — матери наркоманов. Парень ходит бледный, синюшный, аппетита нет, голова кружится, на глазах худеет, а она вместо того, чтобы насторожиться, уговаривает себя, что он, бедненький, в институте надрывается, учебой себя изводит. Из дома деньги и вещи пропадают, потому как парню же нужно на что-то раскумариваться, а она готова признать себя рассеянной растеряхой, только бы не думать о том, что сын деньги ворует. А есть другая категория людей, которые за любым безобидным фактом видят страшную опасность и моментально верят в то, что случилось самое плохое. Так вот покойница была как раз из таких. Что-то такое она за своим муженьком заподозрила и тут же кинулась собирать информацию.

— И к кому ты ее направил?

Захаров назвал три частные сыскные конторы, которые порекомендовал некоторое время назад Юлии Николаевне Готовчиц.

— У тебя там приятели? — спросила Настя, быстро записывая сведения в блокнот.

— Знакомые.

— Протекцию не составишь?

— Зачем тебе моя протекция? Они нормальные ребята, не кусаются.

— Ну конечно, а то я не знаю, — фыркнула Настя. — Мы все нормальные, пока нам вопросов не задают. А как до дела доходит, так сразу начинаются проблемы с памятью. Димуля, съезди к ним вместе со мной, а?

— А что мне за это будет? — лукаво прищурился Дмитрий.

— Что попросишь, — неосмотрительно пообещала она.

— И попрошу. Дашь?

— Димка! Мы же договорились.

— Ты сама сказала: что попросишь. Я и попросил. А что, нельзя?

— Прекрати, — сказала она сердито. — Это не обсуждается.

— Почему? Давай обсудим. Нам было очень хорошо, я это отчетливо помню. Не понимаю твоего упрямства.

Настя вздохнула, сделала очередной глоток кофе, вытащила сигареты. Она не очень хорошо представляла, как правильно вести себя в такой ситуации. Мужчины никогда не домогались ее, и в запасе не оказалось вариантов и оправдавших себя приемов вежливого и не оскорбительного отказа.

— Дима, зачем тебе это нужно? Внесешь в реестр и поздравить себя с очередной партнершей? Никогда не поверю, что ты искренне этого хочешь.

Он внимательно посмотрел на нее, потом улыбнулся.

— Ты очень красивая.

— С ума сошел! Да на меня без слез не взглянешь. Ни кожи, ни рожи. Не валяй дурака.

— Глупая. Кому нужна твоя рожа вместе с кожей? Я же помню, какие у тебя ноги, да и все остальное — высший класс. Я вижу, ты по-прежнему все свои достоинства успешно прячешь, ходишь в джинсах и свободных свитерах. Кого другого ты этим, может, и обманешь, но не меня. Я-то тебя видел.

— Ну и что из этого? Ты хочешь уложить меня в постель, потому что у меня ноги красивые?

— И грудь тоже. И вообще ты замечательная любовница. Поэтому, что бы ты ни говорила, я буду предпринимать все новые и новые попытки, пока не добьюсь своего. Предупреждаю честно, чтобы потом ты не ныла. Да не смотри ты на меня с таким ужасом! Я пошутил. Если ты хочешь, чтобы мы закрыли тему, — так тому и быть.

— Меня от твоих шуток в дрожь бросает, — пробормотала Настя.

— Не в дрожь, а в краску, — уточнил он. — Не сердись, Настюха, это у меня юмор такой. И манеры плохие. Просто если женщина мне нравится, я никогда этого не скрываю. Ты хочешь ехать прямо сейчас?

— Да, если ты можешь.

Она была благодарна Захарову за резкую смену темы. Не умеет она поддерживать такие скользкие разговоры. Нет, не совсем так... Если бы она сейчас играла, притворялась роковой женщиной, предварительно одевшись соответствующим образом и сделав тщательный макияж, то вполне могла бы провести беседу на высоком, как

говорится, уровне, быстро найти изящные и не обидные ответы и даже заставить собеседника смутиться. Но тогда это была бы уже не она, а та женщина, которую она изображает. А сама она, Настя Каменская, совершенно не привыкла к тому, что мужчины проявляют к ней интерес. Ну в самом деле, какой может быть интерес у нормального мужика к бесполому существу в бесформенном свитере, джинсах и кроссовках, с бесцветными бровями и ресницами, бледным лицом и бескровными губами. От отсутствия мужского интереса к себе она не страдала, ибо внимание это было ей не нужно. Просто не интересно. У нее был Лешка, сначала верный друг-одноклассник, потом такой же верный друг-любовник, а в последние два года — не менее верный муж. У нее в юности были романы, и даже страстные, которые Лешка мужественно переживал втихомолку, но романы эти не были для Насти тем главным, что полностью захватывает ум и сердце и подчиняет себе всю ее жизнь. Самым интересным для нее были логические задачи, которые она с упоением решала. Каждое новое преступление — новая задача, и работа над ней — радость, и найденное наконец верное решение — счастье. А все остальное казалось ей второстепенным и не таким уж важным. Ведь если вспомнить тот эпизод с Димкой Захаровым, то он имел место только потому, что она решила очередную задачу. Полночи крутилась на диване, перекладывала плитки мозаики то так, то эдак, и когда вдруг нашла единственно правильный расклад, при котором из этих плиток сложилась ясная и точная картинка, для нее это была такая радость, что она не смогла удержаться и помчалась в соседнюю комнату, где спал Дима, чтобы разбудить его и поделиться открытием. Она была счастлива в этот момент и от радости совершила глупость, не подумавши: позволила ему сделать то, на что он перед этим весь вечер прозрачно намекал. Как давно это было... Летом девяносто второго, когда она выманивала на себя наемного киллера Галла, убившего сотрудника милиции. Они с Захаровым тогда изображали супружескую пару и должны были какое-то время ночевать в одной квартире.

«Забавно, — с улыбкой подумала Настя, поднимаясь

из-за столика и застегивая куртку, — похоже, Захаров — единственный мужчина, который видит во мне женщину и именно поэтому меня хочет, если не придуривается, конечно. Все остальные, которых было, честно говоря, совсем немного, реагировали на ясный ум и спокойный характер, а вовсе не на внешность, которой я никогда не могла похвастаться».

Машина у Дмитрия была хорошая, дорогая. Настя вспомнила, что пять лет назад он ездил на «Жигулях». Даже номер вспомнила.

— А что, охранный деятель приносит неплохой доход, — прокомментировала она. — Твой транспорт стал существенно дороже.

— Так и я стал лучше, — тут же отозвался Захаров. — Старше, умнее и опытнее. Во всех отношениях.

— Димка!

— Что ты, что ты, — замахал он руками, — я ничего такого в виду не имел, только навыки профессиональной деятельности, которые усовершенствовались и потому стали оплачиваться гораздо лучше. А ты уж готова подумать бог знает что.

Он засмеялся и слегка обнял Настю, быстро проведя рукой по ее спине и талии.

— Что бы ты ни говорила, все-таки ты чертовски хороша, Каменская. И если бы не слово джентльмена, которое я, как дурак, тебе дал, я бы изнасиловал тебя прямо в машине.

— Но ты его дал, — напомнила Настя, осторожно высвобождаясь и отступая на шаг.

— Я ж говорю — дурак. Садись, поехали.

* * *

Ну вот, наконец-то я увидел того, ради кого моя жена решила спасти наше совместно нажитое имущество от раздела. Этого мужика можно было бы считать достойным соперником, если бы не одно «но». Он готов взять Вику вместе с деньгами, половина из которых принадлежит мне. То есть моральной чистоплотностью он, вероятно, не страдает. И Вика не может этого не понимать, она никогда не была душой, напротив, сколько я ее

знал, моя жена очень трепетно относилась к подобным вещам. Достаточно вспомнить, с каким мужеством и достоинством она терпела выходки моей матушки. Я, бывало, срывался, орал на мать, но Вика каждый раз меня одергивала и корила. «Она больной человек, Саша, — говорила жена, — ты должен это понимать и быть терпимым. В конце концов, это твоя мать, она тебя любит, и этого достаточно. А меня любить она вовсе не обязана, я ей чужой человек, и ты не имеешь права требовать от нее, чтобы она хорошо ко мне относилась». Вика, Вика... Ты всегда была такой доброй, разумной, такой чудесной, и я так тебя любил. Что же произошло? Почему ты хочешь забрать себе все, с таким трудом добытое и нажитое, и бросить к ногам этого роскошного красавца?

Вероятно, он лучше меня, вот и все. Никаких других причин нет, но и этой вполне достаточно. Может быть, ты так его хочешь, что умираешь не то что от его прикосновения, а от одной мысли о нем. Такое бывает, я знаю. Я и сам когда-то точно так же умирал при мысли о Вике.

Сегодня программа в эфир не пошла, руководство телеканала, которому мы продаем нашу передачу, принесло извинения: в связи с очередным парламентским скандалом понадобилось время для дополнительного блока новостей. Поэтому вместо того, чтобы находиться в студии, как предполагалось, я отправился в свой любимый книжный магазин, в который не заходил уже несколько месяцев. Времени на то, чтобы читать, в последнее время было немного, если я выкраивал несколько свободных часов, то предпочитал проводить их с Викой и с друзьями, а теперь я вдруг понял, что нуждаюсь в книгах. До меня даже не сразу дошло, что происходит, и только спустя несколько дней я вдруг сообразил, что не могу и не хочу больше общаться ни с кем. Все меня раздражает. Только книги остались.

Так вот, сел я в машину и отправился в центр Москвы. В магазине я провел добрых полтора часа, переходя в зале самообслуживания от одного стенда к другому, снимая с полок книги, листая их, читая аннотации и наугад открытые страницы. Выбрав несколько изданий и оплатив их, я вышел, но никуда не поехал, а прошел

полквартала пешком до бара, где, как я знал, варили изумительный кофе и подавали отличную пиццу. Вика тоже этот бар любила, мы часто бывали здесь. Чему же удивляться: именем там я ее и увидел. Вместе с моим «достойным соперником». Они с аппетитом ели пиццу, запивая ее светлым пивом, и оживленно разговаривали. Пиццу запивать пивом — для этого надо совсем ничего не понимать. Для пиццы существует кьянти, замечательное красное вино, и Вике оно всегда очень нравилось. Но, очевидно, у ее кавалера были несколько иные представления. Я бы сказал, представления деревенские. Ну ладно, смягчим формулировку: провинциальные.

Народу было много, большой зал набит почти битком, и они меня не увидели. Я не особенно старался прятаться, нашел свободный столик, взял кофе и принялся листать только что купленные книги, то и дело кидая взгляд на воркующую парочку, которая меня не замечала.

Странно. Вика всегда казалась мне очень красивой. Я не романтический юнец и понимаю, что абсолютно-го критерия красоты не существует. Вика была красивой именно для меня, никакая другая женщина мне не была нужна, но это вовсе не означало, что ее должны были считать красавицей все мужчины поголовно. Мне она нравилась, и этого было достаточно. Но сейчас я пытался увидеть ее глазами этого дорого одетого красавца и приходил в недоумение. Зачем она ему? Что он в ней нашел? Никакая Вика не красавица, у нее самая обыкновенная, даже простоватая внешность, да и годы привлекательности не прибавляют. Сорок — они и есть сорок. Не старуха, конечно, но юной прелестной свежести нет и в помине. Лицо усталое, подбородок начал отвисать, спина «поплыла». Зачем она ему?

Впрочем, вопрос был чисто риторическим. Реформы реформами, а проблемы остались. Я тысячи раз видел такие ситуации и таких мужиков. Провинциал без гроша за душой и без профессии, позволяющей зарабатывать деньги, а хочет жить в Москве, в хорошей квартире в центре города, и ездить на иномарке. Да и как ему этого не хотеть, если с кино- и телеэкранов он с самого детства видел эту красивую жизнь и мечтал о ней, с от-

вращением волоча ноги по раздолбанным тротуарам родного городка (а то и деревни, где тротуаров вообще нет, а горячая вода, сортир в доме и телефон до сих пор остаются несбыточными мечтами). На последние бабки он покупает дорогие шмотки и едет покорять столицу, точнее, ее истосковавшихся по «красивенькому» состоятельных обитательниц. Дарит цветы, смотрит в глаза, говорит нужные слова и всю старается на сексодромах. Глядишь, какая-нибудь да и клюнет.

И Вика клюнула. Я еще раз взглянул на нее и внезапно подумал: как некрасиво она ест. Почему я раньше этого не замечал? Или это появилось только в последнее время?

Мне захотелось уйти из бара, но я трусливо остался. Пока здесь Вика, наемник меня не убьет. Если это случится, всех присутствующих задержат и начнут разбираться, и очень скоро выяснится, что одна из посетительниц не кто иная, как моя родная супружница, которая находилась здесь почему-то не со мной, а с совершенно посторонним мужчиной. Еще шаг — и выяснится, что это ее любовник. Следующий шаг — и зародится подозрение, что неверная жена хотела избавиться от надоевшего мужа. Нет, так дело не пойдет. Вика не дура, да и киллер, надо думать, не на помойке себя нашел.

«Достойный» встал из-за стола и направился к двери, ведущей в туалеты. Понятное дело, пописать захотел, вон пива-то сколько выхлестал. Вика, оставшись одна, судорожно схватила сумочку, вытащила пудреницу и начала поправлять косметику. Ах ты боже мой! Сидела, видно, как на иголках, опасаясь, что лицо блестит, но не посмела в его присутствии достать зеркало и привести себя в порядок. А он, однако, парень простой, захотел в туалет — и пошел, стесняться не стал. Я хорошо знаю свою жену, она ни за что не пойдет в туалет в такой ситуации, будет мучиться, терпеть, умирать, но не пойдет. Почему-то ей это кажется неприличным. А что тут неприличного? Организм функционирует, как ему положено. Закон природы. Я даже почувствовал что-то вроде симпатии к ее любовнику: парень без комплексов. А Вика всю жизнь страдает от своей жирной кожи, но стесняется припудриваться в присутствии мужчин. А уж о

том, чтобы спросить, где туалет, и речи быть не может. Дурочка...

Я поймал себя на мысли о том, что совершенно не думаю о погибших ребятах, Вите и Оксане. Наверное, если бы не грядущая смерть от руки заказчика, я бы переживал, ломал голову над тем, кому понадобилось подкладывать в Витину машину взрывное устройство, может быть, даже начал бы бояться, что и до меня доберутся. Но поскольку до меня, как выяснилось совершенно случайно, уже и так добрались, то ни чужая смерть, ни тем более чужая жизнь меня больше не интересуют.

Ладно, хватит прятаться за Викину спину. Она хоть и «поплывшая», как я только что заметил, но все-таки женская. Надо уходить отсюда. Кофе свой я уже выпил, а наличие в нескольких метрах от себя собственной жены с любовником радости не прибавляет. Конечно, пока Вика рядом, я буду жив, но это не основание для того, чтобы держаться за ее юбку двадцать четыре часа в сутки. Кстати, о юбке. Что-то я раньше ее на Вике не видел. Новая, что ли? Естественно, все женщины, заведя любовника, начинают обновлять гардероб, хотят понравиться, произвести впечатление. Мужу, по их представлениям, нравиться не обязательно, он уже и так муж, никуда не денется, при нем можно ходить лахудрой, с намазанным кремом лицом и в старом халате. Господи, как я изменился за последнее время! Вика в домашнем халатике всегда казалась мне такой родной, теплой и уютной, а лечебные мази и кремы на ее милом личике приводили меня в умиление: она изо всех сил борется с жирным блеском кожи, чтобы хорошо выглядеть. Теперь я готов был ненавидеть ее за эту простоту.

Протискиваясь к выходу, я бросил последний взгляд на их столик. Красавец уже справил нужду и снова с удовольствием потягивал пиво из высокой кружки, а Вика что-то ему рассказывала. Интересно, о чем они могут разговаривать? Что между ними общего? Постель — это само собой, особенно в период взлета эмоций, но ведь в сутках двадцать четыре часа, и нельзя их полностью занять сексом. В оставшееся время приходится общаться. Начитанная, образованная, тонкая Вика — и этот провинциальный донжуан, который за всю жизнь прочитал

небось полторы книжки, одна из которых — правила дорожного движения, и еще половинка — расписание автобусов до ближайшего райцентра.

Проезжая по Тверской, я заметил растянутый над проезжей частью транспарант «Мирей Матье в Кремле» и поймал себя на том, что даже не посмотрел на даты концертов. Еще месяц назад, увидев на афише ее имя, я бы запрыгал от радости и немедленно помчался узнавать, когда и где будут продавать билеты. Мирей Матье, певица нашей с Викой молодости, мы покупали пластинки с ее записями, мы сделали все возможное и невозможное, чтобы попасть на ее концерт в Большом театре много лет назад. Из газет я знал, что после смерти своего постоянного продюсера Матье три года не выступала, и при обычном течении событий я просто не смог бы не захотеть послушать ее после такого трагического перерыва. А теперь какой смысл думать об этом? Даже если концерт состоится уже завтра, я все равно могу не дожить до него. Завтра... Для меня это слово утратило смысл, я перестал его понимать и чувствовать. У меня нет завтра, есть только тот момент, в котором я живу. Пока еще живу. Может быть, в следующую секунду я уже прекращу это глупое и бессмысленное занятие.

До дома, как ни странно, удалось добраться вполне благополучно. Вяло бродя по квартире, я окидывал взглядом такие знакомые, любовно выбранные вместе с Викторией вещи и все пытался понять, неужели можно ради них забыть и перечеркнуть те годы, которые мы прожили с ней. Ведь нам было очень хорошо, мы почти не ссорились, мы любили друг друга. А может быть, я себя обманываю? Это я любил Вику, а она всего лишь терпела меня, ожидая, когда из способного небесталанного журналиста наконец вылупится человек, умеющий делать деньги и обеспечивающий ее безбедное существование. Что ж, следует признать, что она своего дождалась. Наверное, в самом начале она и не ожидала, что я смогу делать такие деньги. За последний год мы накопили достаточно для того, чтобы вообще больше не работать ни одной минуты и жить долго и счастливо, хотя и без роскоши, но в достатке до глубокой старости. Часть

этих денег предназначалась для моей матери. Она еще относительно молода, всего шестьдесят семь, сердце здоровое, так что век ей уготован отнюдь не короткий, но она совсем сумасшедшая и жить одна не может. Надо или поместить ее в больницу, или нанимать постоянную сиделку-компаньонку с проживанием. И то, и другое стоит отнюдь не дешево, но я должен это сделать. Мы с Викой много раз говорили об этом, и мне казалось, она относилась к моей идее с пониманием и одобрением. Но теперь я начинаю думать, что это было совсем не так. Она умело притворялась, а внутри у нее все кипело при мысли о том, что ей придется делиться с этой ненавистной свекровью, на которую было потрачено столько нервов и душевных сил. Она все предусмотрела, даже то, что при разделе имущества через суд мне присудят не половину, а большую часть, поскольку на моем иждивении находится нетрудоспособный инвалид. А если я умру, ни с кем делиться не придется, Вика не обязана опекать мою мать.

Я могу спасти свою жизнь, просто уйдя от жены и оставив ей все. Машину, квартиру со всем, что в ней есть, деньги. Тогда она меня не тронет и будет жить в любви и финансовом согласии со своим провинциалом. Но я-то, я как буду жить? На что? Возвращаться к сумасшедшей матери, которая с утра до вечера орет по любому поводу и без повода, потому что таинственные голоса ей нашептывают всякие мерзости о происках сионистов и о прилете инопланетян, и она с упоением обсуждает эти проблемы сама с собой? Ни за что. Лучше сразу в крематорий. Рядом с матерью я не могу находиться дольше двух минут. А если не возвращаться на старую квартиру, то где жить? И на что? Витя с Оксаной погибли, денег программа больше не получит, потому что только они умели эти деньги добывать, так что с телевидением придется проститься в самое ближайшее время. «Лицо без грима» умрет самое позднее недели через три-четыре. Снова заняться журналистикой? Можно, но денег это принесет ровно столько, чтобы не сдохнуть под забором от голода. А все остальное где взять? Жилья нет. Машины нет, а журналист без машины — это почти смешно, он же ничего успевать не будет. И что тогда де-

лать с матерью, на какие средства помещать ее в больницу или нанимать сиделку? Остается только один способ выжить: ввязаться в какой-нибудь криминал. Это может принести быстрый и неплохой доход, а через очень короткое время — долгий и нехороший срок в тюрьме.

Нет, добровольный уход без раздела имущества — не выход из положения. Придется влачить такое существование, что лучше уж вовсе не жить. Что, собственно, я и собираюсь сделать.

Вика явилась, против ожиданий, совсем не поздно, примерно за полчаса до того времени, когда я обычно возвращаюсь домой после эфира. Наверное, она снова надеялась, что я уже не приду никогда, а я — вот он, собственной персоной, валяюсь на диване в брюках от спортивного костюма с книжкой в руках.

— Ты почему так рано? — спросила она удивленно.

— А что тебя не устраивает? — ответил я вопросом на вопрос.

— Все устраивает. Я очень рада, что ты уже дома.

Она наклонилась, чтобы поцеловать меня. Запах пива ударил в нос, и я невольно поморщился. А раньше мне всегда нравилось, когда от моей жены чуть-чуть пахло алкоголем. Странно. И как мне мог нравиться этот омерзительный запах свежего перегара?

— Ты пила?

— Только пиво, — Вика бросила взгляд на журнальный столик, где стопкой лежали мои сегодняшние приобретения. — Ты купил новые книги?

— Как видишь, — сухо сказал я.

— Чем ты расстроен, Саша? — озабоченно спросила она. — Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного. Обычные производственные трудности. Устал.

— Как прошел эфир?

— Нормально.

Я не стал объяснять ей, что эфира сегодня не было. Зачем? Ей ведь на самом деле совершенно не интересно, как прошла передача, она просто изображает заботливую и любящую жену и произносит все предписанные ролью реплики. Не стоит заставлять ее выслуши-

вать длинные и ненужные ей рассказы о моих производственных и непроизводственных проблемах. Ей и без того сейчас нелегко: бегала на свидание к любовнице, нервничала, опасаясь нарваться на знакомых, потом торопилась домой, чтобы успеть вернуться раньше мужа, которого нанятый ею убийца все никак не прикончит. Не жизнь, а сплошное мучение.

— У тебя новая юбка? — спросил я, наблюдая, как она раздевается и вешает одежду в шкаф.

— Да, — Вика с улыбкой повернулась ко мне. — Тебе нравится?

— Нет.

— Почему?

— Тебе не идет. Она на тебе плохо сидит, и ты выглядишь в ней толстой теткой. И чего тебе в голову пришло покупать такую дрянь?

— Саша...

Ее губы задрожали, глаза мгновенно налились слезами.

— Правда? Она действительно мне не идет?

— Нет, шучу.

Я снова уткнулся в книгу, злорадно усмехаясь про себя. Пусть теперь думает, была ли это грубая и хамская шутка или она действительно сделала неудачную покупку и предстала перед глазами своего хахаля стареющей толстухой. Не все же мне страдать, право слово, пусть и Вике слегка достанется.

Она молча развесила вещи на плечиках в шкафу и ушла на кухню. Я углубился в книгу и некоторое время с удовольствием читал, забыв обо всем, в том числе и о скорой неминуемой смерти.

— Саша.

Я оторвал глаза от книги и обнаружил Вику стоящей рядом с диваном.

— Я внимательно тебя слушаю, дорогая, — предельно вежливо произнес я.

— Саша, что с тобой происходит? Тебя как подменили.

— Подменивают младенцев в роддомах, а взрослые мужчины никому не нужны. Не выдумывай, будь добра.

— Я не выдумываю, я же вижу: с тобой что-то происходит. Ты стал злым, сухим...

— Ничего подобного. Я точной такой же, каким был

раньше. Это ты изменилась и теперь готова из мухи делать слона. Чего ты завелась? Только оттого, что мне твоя юбка не понравилась? Так ты себя вини, а не меня. Это ты сделала такую дурацкую попку, а не я. Раньше ты никогда не купила бы вещь, которая тебе не идет, потому и слов таких от меня не слышала. А то, что ты в свои сорок натянула на себя юбочку, которую впору носить двадцатилетней девчонке, говорит только о том, что это ты стала другой. Ты, а не я. И не сваливай с больной головы на здоровую.

— По-моему, если у кого голова больная, то у тебя. Что за бес в тебя вселился? Ты плохо себя чувствуешь?

— Я чувствую себя прекрасно. А что касается бесов, то они живут в каждом из нас. Если ты забыла великого Достоевского, советую перечитать. И пожалуйста, сделай одолжение, не употребляй алкогольные напитки днем, это дурной тон.

— Хорошо, — коротко ответила она. — Я могу рассчитывать на ответное одолжение с твоей стороны?

— Можешь. Я тебя слушаю, дорогая.

— Сходи к психиатру. Говорят, эти болезни передаются по наследству. Мне кажется, тебе пора позаботиться о состоянии твоих мозгов, с ними явно не все в порядке.

Она вышла из комнаты, ожесточенно хлопнув дверью. Некоторое время из кухни доносилось звяканье посуды, потом стали просачиваться аппетитные запахи жарящегося мяса с луком. Мясо Вика готовила отменно. Я успел прочесть еще несколько страниц, когда зазвонил телефон. В кухне был параллельный аппарат, поэтому я не двинулся с дивана. Пусть Вика снимет трубку и поговорит, это наверняка наш провинциал, интересуются, как добралась и успела ли стереть прелюбодейское выражение с лица до прихода мужа.

Через некоторое время Вика снова появилась в комнате.

— Только что звонила Света Любарская, — сообщила она таким тоном, словно я должен был немедленно проникнуться трагизмом происходящего и начать рвать на себе волосы.

— И что Света сказала? — вяло поинтересовался я, не

отрываясь от книги, хотя отлично понимал, зачем она звонила и что сказала.

— Ты действительно сказал Виталию, что не придешь к ним на юбилей?

— Действительно сказал. Не вижу в этом повода для обсуждения.

— Почему? Почему ты сказал, что не придешь?

— Потому что не приду. Впрочем, это не означает, что ты не можешь пойти. Я говорил только о себе.

— Что происходит, Саша? Любарские — наши друзья вот уже сколько лет. Вы что, поссорились с Виталием?

— Нет. Просто я не хочу туда идти, вот и все.

— Почему?

— Потому что не хочу. Не хочу слушать идиотские разговоры о том, что мне неинтересно, не хочу слушать сопливые туристские песни, которые Виталий, когда выпьет, начнет петь под гитару своим козлиным тенором, не хочу видеть, как его престарелая жена Света строит глазки всем подряд и при этом глупо хихикает. Не хочу. Тебе понятно?

— Как ты можешь? — возмутилась Вика. — Виталий очень неплохо поет, тебе же всегда нравилось. И Света совсем не престарелая, она наша ровесница. Откуда в тебе столько злобы? Это же наши друзья.

— Мне никогда не нравилось, как он поет. Я притворялся и терпел, именно потому, что, как ты выразилась, они наши друзья. А что касается Светы, то я очень советую тебе посмотреть на себя в зеркало и вспомнить, в каком году ты родилась. Пора уже перестать чувствовать себя молодой и думать так же о своих ровесниках.

— Виталий на тебя обиделся, и Светка расстроилась. Нельзя так вести себя, Саша, — укоризненно сказала она. — Зачем ты обижаешь людей? Мало ли какие у всех нас недостатки, но надо быть терпимыми, иначе с ума сойдешь, замечая за всеми малейшие промахи. Да, Виталий — не Юрий Визбор и не Сергей Никитин, но он хороший, порядочный человек, с которым тебя связывает очень многое. У них со Светой двадцатилетие со дня свадьбы, и ты своим отказом их глубоко оскорбил. Немедленно позвони им, скажи, что у тебя изменились обстоятельства и ты обязательно придешь, а дело, кото-

рое у тебя было назначено на вечер субботы и из-за которого ты отказался к ним пойти, ты перенес на другое время. Давай, Саша, вставай с дивана и звони.

Подтекст этой пламенной речи я услышал очень хорошо. Ты, дескать, не должен обращать внимания на то, что я старею и дурнею, потому что я твоя жена и вместе прожито немало лет, и нельзя перечеркивать все это и обижать меня только из-за того, что тебе не понравилась юбка, которую я купила. Ну, Виктория Уланова, ну, актриса! Как будто она вообще способна сейчас на меня обижаться! Я уже, можно сказать, одной ногой в могиле, из-за моих прогулов на кладбище мне давно пора строгий выговор объявлять, а она со мной разговаривает как с живым человеком, с которым собирается жить до старости. Что ж, молодец, девочка, ты всегда была умненькой и тонкой. Впрочем, это я, кажется, уже говорил.

— Я не буду никому звонить, — спокойно ответил я, перелистывая страницу. — И в субботу к Любарским не пойду. Ты можешь пойти одна.

— Они обидятся, — строго повторила Вика.

— Пусть.

— Что — пусть?

— Пусть обижаются.

— Но ты потеряешь друзей.

— Тоже пусть.

— Тебе не нужны друзья?

— Нужны. Но в принципе. В общем, так сказать. Виталик Любарский и его дурочка-жена мне не нужны. От них одни хлопоты. Мне надоели его бесконечные просьбы устроить его машину в сервис и на техосмотр, одолжить денег или составить протекцию.

— Но ведь и он тебе в чем-то помогает, — возразила она, не очень, впрочем, уверенно.

— Да? — Я оторвался от книги и с любопытством глянул на жену. — В чем, интересно? Пример приведи, пожалуйста.

Она взорвалась. Глаза яростно засверкали, губы побелели.

— Как ты можешь! — почти закричала Вика. — Как тебе не стыдно? Разве друзей оценивают по количеству оказанных ими услуг? Друзья — это друзья, и никаких

расчетов тут не может быть. Немедленно иди к телефону и звони. А завтра утром поедем с тобой покупать подарок.

— Подарок ты сможешь купить и без меня, — я снова уткнулся в книгу. — На юбилей к ним я не пойду. И все. Закончим на этом.

Она долго молча смотрела на меня, потом вышла из комнаты, тихонько притворив за собой дверь, словно я был тяжелобольным и нуждался в покое. Что ж, в известном смысле так оно и есть. По крайней мере впервые в жизни я позволил себе в течение почти часа быть абсолютно искренним, высказывать собственные мысли вслух, не приукрашивая их вежливыми формулировками, и не говорить «да», когда на самом деле хочется сказать «нет».

* * *

Поездки в частные сыскные агентства заняли у Насти и Захарова целый день. Что-то произошло с московскими магистралями, они были забиты машинами так плотно, что транспортные пробки образовались даже там, где их отродясь не было, и маршрут, который при нормальной ситуации занимал не более сорока минут, удавалось преодолеть не меньше чем за три с половиной часа. Разумеется, закон Мэрфи, который в России обычно именуется законом подлости и который гласит, что, если неприятность может произойти, она обязательно произойдет, так вот, этот самый закон остался верен сам себе и сработал на полную мощность. Из трех фирм, которые они объехали, нужные люди оказались как раз в последней.

— Да, у нас есть такая клиентка, — осторожно признался руководитель агентства, невысокий плешивый блондин с густыми пшеничными усами и по-детски голубыми глазами.

— Была, — поправила его Настя.

Брови блондина поползли вверх, но выражение удивления на его круглом лице быстро сменилось выражением понимания.

— С ней что-то случилось?

— Она убита. Поэтому я полагаю, что вы дадите нам все необходимые сведения и не будете настаивать на конфиденциальности вашей информации и требовать официальных постановлений. Вы в милиции раньше работали?

— А то, — усмехнулся руководитель. — Иначе разве я взялся бы за частный сыск? Мне бы и в голову не пришло. Правда, когда я там работал, женщин в уголовном розыске не было.

— Вы хотите сказать, что нынешняя милиция — не та, что раньше, и ряды сильно оскудели, раз начали женщин на работу брать?

— Я хотел сказать, что порядки стали более демократичными, — ловко вывернулся блондин. — Так что вас интересует?

— Все, — лучезарно улыбнулась Настя. — Все, что вы можете рассказать о покойной заказчице.

— Ну, тогда — ничего, — столь же лучезарно улыбнулся в ответ руководитель агентства. — Я просто проверил по регистрации, есть ли у нас такая клиентка. А работал с ней другой сотрудник.

— И где его найти?

— А где всех сыщиков ищут? В поле, как ветра. Он же не сидит в конторе целыми днями, а задания выполняет.

— Так, — усмехнулась Настя. — И как мы с вами, уважаемый, будем выходить из положения?

— Вы оставите свой телефон, и он вам сам позвонит, когда сможет.

— А когда он сможет?

— Ну, не знаю, — развел руками блондин. — Когда вернется сюда, наверное. Не раньше.

— Понятно. Значит, недели через две. Пейджер у него есть?

— Нет, — быстро ответил он. Настолько быстро, что стало совершенно очевидно: и пейджинговая связь есть, и сам сотрудник где-то поблизости, может быть, даже в соседней комнате.

Настя понимала ситуацию правильно и была к ней готова. Руководитель частного сыскного агентства должен быть предельно аккуратен, если не хочет лишиться лицензии. Поэтому прежде чем напрямую связывать

своего сотрудника с уголовным розыском, он должен сам лично проверить, о какой информации идет речь и нет ли, упаси бог, какого-нибудь криминала, о котором частному сыщику стало известно, но о котором он, в нарушение закона, не сообщил куда следует. И ежели таковой криминал все-таки имеется, тщательно отсортировать все бумажки с копиями отчетов, первые экземпляры которых предоставляются заказчику, убрать все, где этот криминал хотя бы просматривается, накрутить хвоста сотруднику за глупость и тщательно проинструктировать его перед встречей с представителями государственной сыскной машины.

Она кинула быстрый взгляд на Захарова.

— Да, Паша, — тут же вступил Дмитрий, — нехорошо получается. Чего-чего, а черной неблагодарности я от тебя никак не ожидал. Твоей конторе сколько лет-то?

— Лет? — рассмеялся блондин Паша. — Это ты хватил. Еще и года не стукнуло, десять месяцев всего.

— Ага. И клиентов небось чертова туча, в очереди стоят.

— Это ты к чему? — насторожился руководитель.

— Да ни к чему, просто так. Твои рекламные объявления на всех столбах в округе висят, я видел, когда подъезжал, и все равно по этой рекламе никто к тебе не идет, верно ведь? Я эти дела знаю. Когда нужен частный сыщик, к первому попавшемуся, по объявлению найденному, никто не пойдет, будут искать через знакомых, чтобы надежно. Вот я и спрашиваю тебя, Пашенька, где бы ты сейчас был, на каком финансовом свете, если бы мы, твои бывшие сослуживцы и добрые знакомые, не посылали бы к тебе клиентов, не рекомендовали им твою фирму. Ну-ка ответь честно. А ведь покойницу Юлию Николаевну именно я к тебе послал.

— Да что ты, Митя, — засуетился блондин, — зря меня упрекаешь. Я же не отказываюсь помочь, я только объясняю, что нужного вам человека сейчас нет на месте. Когда появится — ради бога, он ваш со всеми потрохами.

— Это хорошо, — удовлетворенно кивнул Захаров. — Ты уж похлопочи, будь любезен, чтобы потроха побыстрее прибыли. Покойница-то у нас с Анастасией непростая, депутат Госдумы как-никак.

— У вас? — переспросил недоверчиво Паша. — А ты-то тут с какого боку?

— Все тебе расскажи. Сначала сам стань разговорчивым, потом будешь мне вопросы задавать. Так как, Пашенька, мы поняли друг друга?

Блондин Паша понял все правильно, и когда Настя вернулась на Петровку, у проходной ее поджидал приятной наружности молодой человек, представившийся сотрудником частного сыскного агентства «Грант».

Было уже совсем поздно, когда она освободилась и пошла к начальнику. Виктор Алексеевич Гордеев был зол и напряжен, и хотя разговаривал по обыкновению спокойно и негромко, глаза его сверкали, а дужка очков, которую он то и дело грыз, грозила вот-вот с треском переломиться.

— Что у тебя? — коротко спросил он.

— Хотела доложить по убийству депутата Готовчиц.

— Давай, — кивнул Гордеев.

— Она тоже увидела, что с мужем что-то не в порядке. После квартирного взлома он стал сам не свой. И Юлия Николаевна наняла частного сыщика, чтобы прояснить ситуацию.

— Вот даже как? Какие у нее были подозрения?

— Этого я не знаю. Точнее сказать, она об этом частному сыщику не говорила. Задание звучало следующим образом: взять под контроль всех людей, с которыми общается Борис Михайлович, и постараться выяснить, не участвует ли муж в криминальном бизнесе. А уж что она думала при этом на самом деле — неизвестно. Может быть, и вправду проверяла именно то, что сказала, а может быть, и что-то другое. Но знаете, что самое интересное?

— Не знаю, — буркнул Колобок. — Говори.

— При оформлении договора ее предупредили, что в соответствии с законом агентство обязано передать материалы в правоохранительные органы, если в ходе выполнения задания клиента будут выявлены признаки уже совершенного либо готовящегося преступления. И Юлия Николаевна с этим полностью согласилась. Единственное условие, которое она поставила, состоя-